

ДЖУЛИЯ КУИН

БРИДЖЕРТОНЫ
ТАЙНА ПОВЕСЫ

Читайте книги – смотрите сериал!

Бриджертоны

Джулия Куин

Тайна повесы

«Издательство АСТ»

2004

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Куин Д.

Тайна повесы / Д. Куин — «Издательство АСТ»,
2004 — (Бриджертоны)

ISBN 978-5-17-117590-0

Год за годом светский повеса и обольститель, потерявший счет своим победам, Майкл Стерлинг скрывал за показной веселостью и легкомыслием сердечную рану – тайную любовь к Франческе Бриджертон, верной и добродетельной жене его кузена, графа Килмартина. Но кузен внезапно умер – и теперь Майкл получает всю его собственность, графский титул, а вместе с тем и долгожданный шанс добиться Франчески. Но, снедаемый терзаниями совести за то, что занял положение брата, Майкл гонит от себя даже мысли об обольщении вдовы, к тому же она и сама относится к нему исключительно как к другу. Но как долго сможет прославленный повеса сопротивляться страсти к той единственной, которую любил всю жизнь? Больше интересных фактов об этой книге читайте в ЛитРес: Журнале

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-117590-0

© Куин Д., 2004

© Издательство АСТ, 2004

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	28
Часть вторая	34
Глава 5	34
Глава 6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Джулия Куин

Тайна повесы

© Julie Cotler Pottinger, 2004

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Часть первая Март 1818 года Лондон, Англия

Глава 1

«...Тут мне не очень весело, но я и не сказал бы, что плохо. Тут есть женщины, а в их обществе разве соскучишься?»

Майкл Стерлинг – кузену Джону, графу Килмартину. Из расположения 52-го гвардейского пехотного полка времен войны с Наполеоном.

У каждого в жизни бывает особенный, поворотный момент. Момент яркий, значительный. Человек переживает его столь же остро, как сильный удар в грудь, от которого спирает дыхание, – и с тех пор становится абсолютно ясно, без тени сомнения, что прежней жизнь уже не будет никогда.

Такой момент наступил и для Майкла Стерлинга – в тот самый миг, когда он впервые увидел Франческу Бриджертон.

Стерлинг всю жизнь бегал за женщинами и с удовольствием уступал женщинам, которые бегали за ним, и в любовных играх он всегда оставался победителем: ласкал этих женщин, целовал, занимался с ними любовью, но ни одну из них не полюбил. А с Франческой Бриджертон хватило одного взгляда, чтобы моментально влюбиться, да так, что колени подкосились.

И все бы ничего, только встреча их состоялась за тридцать шесть часов до того мгновения, как Франческа перестанет быть Бриджертон. То был праздничный вечер по случаю предстоящей свадьбы Франчески и кузена Майкла.

«Жизнь порою любит пошутить», – думал он, когда настроение позволяло выбирать выражения. А когда нет – выбирал более бранные слова. Да и какие еще слова могли прийти в его голову с тех пор, как он понял, что влюбился в жену своего двоюродного брата?!

Да, он скрывал свои чувства, ведь нельзя было допустить, чтобы чей-то зоркий глаз заметил его угнетенное состояние. Иначе, чего доброго, еще начнут допрашивать, все ли у него в порядке. И пусть Майкл был профессиональным притворщиком и обманщиком (а как иначе, ведь он соблазнил бесконечное множество женщин, избежав при этом вызова на дуэль), таких злоключений в его жизни еще не возникало. Так что неудивительно, что в столь тяжелый момент даже от невинного вопроса он может потерять лицо.

Потому Майкл старался веселиться, много смеялся и флиртовал с женщинами. И старался не замечать, что чувственные ласки доставляют ему все меньше наслаждения и на партнершу свою он все чаще старается не смотреть. В церковь он больше не ходил совсем, поскольку утратил надежду на спасение души. Да и вообще, церковь рядом с Килмартином построили еще в 1432 году, и если на него обрушится гром небесный, ей ни за что не устоять. Ведь если Господь и решит таким образом покарать какого-нибудь грешника, кандидатуры лучше Майкла Стерлинга ему не сыскать.

Майкл Стерлинг, Великий Грешник.

На визитной карточке эти слова бы хорошо смотрелись. Он бы даже заказал себе такую – выходка как раз в его духе, – если бы не его мать, которую убьет такая шутка.

Даже прославленный повеса и великий грешник не станет мучить женщину, производящую его на свет.

Однако в своих связях с другими женщинами он ничего греховного не видел – ни тогда, ни сейчас. Все эти женщины сами хотели быть оболыщенными, да и невозможно соблазнить ту, которая этого не хочет. Если, конечно, не путать соблазнение с изнасилованием. Если же между ним и женщиной чувствовалась какая-то неловкость и он понимал, что она его не хочет, Майкл сразу уходил. Страсть никогда не поглощала его целиком, и уйти не составляло труда.

К тому же в его списке побед нет ни одной девственницы и ни одной замужней дамы. Ой, ладно, себе врать негоже – замужние, конечно, были, и очень много, но только те, чьи мужья совсем мерзавцы, и только в том случае, если они уже родили мужу двух сыновей или даже трех, если один был слаб здоровьем.

У Майкла, как и у всякого мужчины, были свои правила.

Но сейчас... Происходящее с ним сейчас не вписывалось ни в какие правила приличий. Было совершенно неприемлемо. Пойти на поводу своих чувств в подобной ситуации... Таких проступков не совершал никогда даже Майкл. Так он совсем очернит свою душу – ну или по крайней мере заметно подпачкает. Ведь это... это...

Жена его двоюродного брата.

Он хотел жену Джона.

Джона!

Джона, который был для него больше чем родной брат, если бы у него таковой имелся. Джона, семья которого приняла Майкла, когда умер его родной отец. Джона, отец которого воспитал его как своего сына. Джона, с которым...

Да не важно! Причины можно перечислять бесконечно, но и одной из них хватило бы, чтобы отправиться в ад за влюбленность в жену Джона. К тому же не стоило забывать самого главного – ее он никогда не получит.

Только не Франческу Бриджертон Стерлинг.

«А почему бы не выпить еще стаканчик?» – подумал он, развалившись на софе в гостиной молодоженов, отвратительно строивших друг другу глазки в противоположном конце гостиной.

– Да, пожалуй, выпью еще, – и Майкл залпом допил содержимое своего бокала.

– О чем ты, Майкл? – отреагировал Джон. Черт побери его слух!

Майкл состроил очаровательнейшую улыбку и приветственно приподнял свой бокал.

– Жажда мучит. – Видимо и тоном он весь излучал жизнелюбие.

То была гостиная Килмартин-Хауса, лондонского особняка, который не стоит путать с Килмартином – не Хаусом и не Каслом, а просто Килмартином, что в Шотландии, где выросли Майкл и Джон. Был также Килмартин-Хаус в Эдинбурге. Да, думал Майкл, предки не отличались изобретательностью, ведь были еще Килмартин-Коттедж (если слово «коттедж» подходит дому с двадцатью двумя комнатами), Килмартин-Эбби и конечно же Килмартин-Холл. И почему, интересно, никто не догадался назвать хотя бы один из них своей фамилией – «Стерлинг-Хаус»? Майклу казалось, что звучит вполне неплохо. Увы, судя по всему, тщеславных и неоригинальных Стерлингов из прошлого так впечатлил новообретенный титул, что о том, чтобы дать другое имя своей собственности, и речи не шло.

Да уж, усмехнулся Майкл, стоит только диву даваться, что он не пьет «Килмартин-ти», сидя в «Килмартин-чер». Хотя умудрись его бабушка найти способ торговать своими чаем и мебелью, подобное вполне могло бы быть. К счастью, торговля – слишком унижительное занятие для титулованных особ. Суровая дама так гордилась семейством, словно с рождения была его частью, а не стала ею после замужества. Она считала, что графиня Килмартин (она сама, то есть) не уступает в важности своей персоны любой особе с более высоким титулом, и часто недовольно фыркала, когда ее приглашали к трапезе после какой-нибудь молоденькой маркизы или герцогини.

Пожалуй, одна лишь королева была достойна такой чести – быть выше графини Килмартин. Однако Майкл никак не мог себе представить бабушку, выказывающую уважение какой-либо особе женского пола.

Однако Франческа Бриджертон старушка Стерлинг бы нашла подходящей своему внуку женой. Она бы, безусловно, не оставила без внимания тот факт, что отец Бриджертон всего лишь какой-то виконт – не без этого, – но семья их была старинной, весьма популярной и достаточно влиятельной. К тому же Франческа прямо держала спину, держалась гордо, а шутила коварно. Будь она старше лет на пятьдесят и не так красива, стала бы старушке Стерлинг лучшей подругой.

Теперь титул графини Килмартин принадлежал Франческе, жене Джона, двоюродного брата Майкла. И пусть Джон был на год младше Майкла, к мужу Франческа всегда относилась как с старшему – ведь он же унаследовал титул. Отцы кузенов были близнецами, но отцу Джона повезло появиться на свет на целых семь минут раньше. Семь минут, которые определили не только жизнь одного из близнецов, но и жизнь самого Майкла, о рождении которого тогда и речи не шло!

– Итак, как мы отметим нашу вторую годовщину? – спросила Франческа, усаживаясь за фортепьяно неподалеку от Майкла.

– Как ты пожелаешь, – ответил Джон.

Франческа посмотрела на Майкла. Даже при свете свечей он видел, как красивы ее синие глаза. Хотя, может, он просто помнил, какие они. После встречи с ней ему даже сны снились в синих тонах. Этот цвет он мысленно называл «синий Франчески».

– Майкл? – Судя по тону, она не в первый раз его звала.

– Мои извинения. – Он скривил губы в улыбке – когда он улыбался подобным образом, никто не воспринимал его всерьез, что ему и требовалось. – Не расслышал.

– У тебя какие-нибудь идеи есть? – спросила Франческа.

– По поводу?

– Я о праздновании второй годовщины.

Лучше бы она выстрелила из лука ему в самое сердце – было бы не так больно. Но Майкл нашел в себе силы небрежно пожать плечами – притворяться безразличным он умел до омерзения хорошо.

– Это не моя годовщина, – напомнил он.

– Знаю, – сказала она. Майкл на нее не смотрел, но по интонации было похоже, что Франческа закатила глаза.

Однако она этого не делала, Майкл не сомневался, поскольку за эти два года идеально изучил повадки Франчески и знал, что закатывать глаза – это не в ее стиле. Иронию, сарказм или коварство она выражала только голосом и своеобразным изгибом губ. В том, чтобы закатывать глаза, нужды не было. Она смотрела на собеседника прямо, чуть скривив рот, а потом...

Майкл нервно сглотнул и вновь приложился к бокалу. Недостойно это – раздумывать об изгибе губ жены двоюродного брата.

– Не сомневайся, – говорила Франческа, поглаживая клавиши фортепьяно, но не нажимая на них, – я не забыла, кто мой муж.

– Я и не сомневаюсь, – пробормотал Майкл.

– Что ты сказал?

– Ничего, продолжай, – сказал он.

Франческа недовольно поджала губы. Такую гримасу на ее лице Майкл видел часто, особенно когда она разговаривала с кем-то из своих братьев.

– Я решила спросить твоего совета, потому что ты часто веселишься, – пояснила она.

– Я часто веселюсь? – Майкл удивился, хотя и понимал, что именно таким его видит свет – его даже прозвали Веселым Повесой. Но слышать это от нее оказалось неприятно. Выходит, и она не видела в нем серьезного человека.

А что если он и впрямь легковесен и ветрен? От этой мысли Майклу стало еще хуже.

– Разве это не так? – спросила она.

– Не в том дело, – ответил Майкл. – Удивлен просто: у меня спрашивают, как справлять годовщину свадьбы. Очевидно же, я обделен талантами во всем, что так или иначе касается брака.

– Ничего не очевидно, – заявила она.

– Ну все, ты пропал, – засмеялся Джон, откинувшись в кресле и развернув утренний выпуск «Таймс».

– Ты никогда не был женат, – продолжила Франческа, – так откуда тебе знать, есть у тебя талант к браку или нет?

Майкл самодовольно ухмыльнулся:

– Для всех, кто меня знает, это очевидно. Да и зачем мне жениться? У меня ни титула, ни собственности.

– Собственность у тебя есть, – заметил Джон. Пусть он и спрятался за газетой, все же следил за ходом беседы.

– Совсем незначительная, – не уступал Майкл, – и выделенная мне тобой. Так что я совсем не против буду оставить ее вашим детям.

Франческа взглянула на мужа. Майклу не нужно было гадать, о чем она думала: Джон подарил брату собственность, чтобы у того появилась цель в жизни. Уволившись несколько лет назад из армии, Майкл остался без цели. И пусть Джон никогда не заводил этот разговор, Майкл точно знал, что кузен чувствует свою вину из-за того, что отсиживался дома, пока Майкл рисковал жизнью на континенте.

Однако Джон был наследником титула. Жениться и произвести на свет сыновей – его священный долг. Никому и в голову не пришла бы мысль, что он отправится на войну.

Иногда Майклу казалось, что выделенная ему собственность (весьма красивый дом и двадцать акров земли) была для Джона своего рода епитимьей. И закрадывалось подозрение, что Франческа того же мнения.

Но она никогда не станет разговаривать с мужем об этом. Вероятно, потому, что выросла с братьями, она отлично понимала мужчин и знала, о чем стоит спрашивать, а о чем лучше умолчать.

Ее пронизательность беспокоила Майкла. Вдруг она знает, что он скрывает за маской безразличия? При этом она никогда не заговорит об этом, не намекнет даже. По иронии судьбы, в этом они похожи: если Франческа поймет, что стала объектом его страсти, виду не подаст.

– Полагаю, вы могли бы отправиться в Килмартин, – предложил вдруг Майкл.

– В Шотландию? – спросила Франческа, слегка нажав на клавишу си-бемоль. – И это сейчас, перед самым началом сезона?

Майкл встал, поддавшись импульсивному желанию уйти. Да ему и приходиться-то не стоило.

– И что с того? – небрежно спросил он. – Это место тебе нравится. И Джону тоже нравится. А если рессоры карет в отличном состоянии, то и путешествие вас не утомит.

– Ты-то поедешь? – поинтересовался Джон.

– Нет, – резко ответил Майкл. Присутствовать на их годовщине – этого еще не хватало! Лишний раз напомнить себе о том, что он никогда не получит. И положить еще одну монетку в копилку чувства вины. Хватит и тех, что уже есть и отравляют каждый его день.

«Не желай жены двоюродного брата своего». Моисей, должно быть, забыл добавить к остальным эту заповедь.

– У меня много дел, – в оправдание бросил он.
– Серьезно? – В глазах Франчески загорелся интерес. – И что за дела?
– Ах, ну как сказать, – он криво ухмыльнулся, – хлопоты всякие, дабы продолжать вести бесцельную и разгульную жизнь.

Франческа встала.

Господи! Она пошла прямо к нему. Ее прикосновения – сущий кошмар для Майкла. Она положила руку ему на плечо. Майкл задействовал все силы, чтобы не вздрогнуть.

– Мне неприятно, когда ты так говоришь, – сказала она.

Через ее плечо Майкл посмотрел на Джона – тот держал газету довольно высоко, чтобы дать понять окружающим, что он погружен в чтение.

– Опять решила устраивать мою судьбу? – недобро спросил Майкл.

Франческа отстранилась.

– Мы любим тебя.

«Мы». Не «я», не «Джон». «Мы». Очередное напоминание о том, что они – единое целое. Джон и Франческа. Лорд и леди Килмартин. Не тот смысл Франческа хотела до него донести, но именно это услышал Майкл.

– Я тоже вас люблю, – ответил Майкл, смиренно ожидая потока нравоучений.

– Я знаю, – говорила Франческа, не замечая, как он мучится. – Ты лучше всех двоюродных братьев. И я хочу, чтобы ты был счастлив.

Майкл бросил на кузена взгляд, умоляющий о спасении. Тот перестал притворяться, что читает, и положил газету.

– Франческа, моя догорающая, Майкл – взрослый мужчина. Он построит себе счастливую жизнь с кем и когда сочтет нужным.

Франческа поджала губы – явный знак, что она рассержена. Она не любила, когда ей перечат. Ее раздражала сама мысль, что она не может организовать свой мирок и всех, кто его населяет, так, чтобы ей это нравилось.

– Думаю, тебя нужно познакомить с моей сестрой, – не унималась она.

Господи боже!

– Я с ней уже знаком, – быстро отозвался Майкл. – Я знаком со всеми твоими сестрами, в том числе с той, что еще в пеленках.

– Ни в каких она не... – Смолкнув на полуслове, Франческа стиснула зубы. – Согласна, Гиацинта тебе не подойдет, но вот Элоиза...

– Я не женюсь на Элоизе, – прервал ее он.

– Я и не заставляю тебя жениться, – сказала Франческа. – Хотя бы пригласи ее на танец.

– Я с ней уже танцевал, – напомнил ей Майкл. – Мне хватит.

– Но...

– Франческа, – произнес Джон. Тон был мягок, но смысл ясен: «Прекрати».

За столь своевременное вмешательство Майкл был бы рад расцеловать брата. Джон, конечно, считал, что просто избавляет кузена от навязчивого и бессмысленного приставания Франчески, он ведь и предположить не мог, что Майкл думает на самом деле. А именно: он гадал, насколько чернее станет его душа, если он будет желать не просто жену своего брата, но и сестру своей жены.

Женитьба на Элоизе Бриджертон, господи! Франческа, должно быть, хочет затолкать его в могилу.

– Пойдемте-ка на прогулку, – внезапно предложила она.

Майкл бросил взгляд в окно. Закатные лучи солнца уже покинули улицы.

– Не поздновато ли для прогулки? – спросил он.

– Отнюдь нет, если гулять в компании двух сильных мужчин, – сказала Франческа. – К тому же в Мейфэре отличное освещение. Ничего страшного не случится. – Она посмотрела на мужа. – Согласен, дорогой?

– Сегодня у меня важная встреча. – Джон бросил взгляд на карманные часы. – Пусть Майкл составит тебе компанию.

Еще одно подтверждение факта, что Джон даже не подозревает о чувствах брата.

– Вы отлично ладите, – добавил он.

Франческа обернулась к Майклу с улыбкой, которая еще прочнее укоренила чувства в его сердце.

– Ну что, пойдём? – спросила она. – Дождь прекратился, и я умираю от жажды по свежему воздуху. Я весь день сама не своя.

– Конечно, – ответил Майкл. Ведь все знают, что у него не бывает важных встреч. Его жизнь была предельно легка.

К тому же он не мог отказать Франческе. И пусть он знал, что не стоит оставаться с ней наедине и вообще лучше сохранять дистанцию. Конечно, он никогда не покорится своим желаниям, но зачем же лишний раз страдать? Ведь после этой прогулки его ждет холодная постель, где не будет ничего, кроме чувства вины и желания, разрывавших его на части.

Увы, ее улыбка обезоруживала его, и он не мог сказать «нет». Ведь это возможность побыть с ней еще часок, и Майкл был слишком слаб, чтобы отказать себе в этом.

Ее присутствие – это все, что было ему доступно. Он никогда не получит от нее ни игривого взгляда, ни поцелуя, ни слов любви, ни стонов страсти.

Только разговор с ней и ее улыбка – вот и все, на что он мог рассчитывать. И он, ничемный дурак, был рад и этому.

– Только подожди чуть-чуть, – она приостановилась в дверях, – я плащ возьму.

– Поторопись, – сказал Джон. – Уже восьмой час.

– Майкл, случись что, не даст меня в обиду, – беспечно отмахнулась Франческа, – но ты не переживай, я быстренько. – Она шаловливо улыбнулась мужу. – Я всегда быстренько.

От ее слов Джон покраснел, и Майкл отвел взгляд. Он не желал знать, что именно означала ее фраза, господь тому свидетель. Ведь она могла иметь в виду много чего, в том числе и нечто сладострастное. Весьма вероятно, что весь следующий час Майкл будет занят фантазиями о том, чем хотел бы заняться с ней...

Майкл ослабил тугий галстук. Может, стоит увильнуть от этой прогулки? Ринуться домой и принять ледяную ванну. Или даже лучше – отыскать доступную женщину с длинными каштановыми волосами и, если получится, синими глазами.

– Ты уж извини, пожалуйста, – как только Франческа вышла, сказал Джон.

Майкл посмотрел на брата во все глаза. Неужели тот извиняется за игривый намек Франчески?

– Все время она к тебе пристаёт, – продолжил он. – Однако ты еще молод. Зачем спешить к алтарю?

– Ты моложе, чем я. – Майкл сказал, главным образом, чтобы поперечить.

– И то верно, но в моей жизни появилась Франческа. – Джон пожал плечами, словно такой ответ представлял собою исчерпывающее объяснение. Впрочем, так оно и было.

– Да я не возражаю, пусть пристаёт, – проговорил Майкл.

– Не возражаешь, ага. Как будто я по твоим глазам не вижу.

Вот в чем заключалась главная проблема – Джон видел по его глазам. Он знал Майкла лучше всех на свете и всегда замечал его тревоги. И лишь чудом можно объяснить тот факт, что Джон пока не догадался, в чем причина горестей Майкла.

– Я попрошу ее оставить тебя в покое, – добавил Джон. – Однако, надеюсь, ты понимаешь, что она это делает исключительно из любви к тебе.

Майкл выдавил улыбку. Но в ответ ему не удалось проронить ни слова.

– Спасибо, что согласился составить ей компанию на прогулке. – Джон встал. – Она весь день места себе не находила из-за дождя. Говорила, что сегодня сидение в четырех стенах ее угнетало.

– Во сколько твоя встреча? – поинтересовался Майкл.

– В девять, – ответил Джон. Братья вышли в прихожую. – Встреча с лордом Ливерпулем.

– Дела парламента?

Джон кивнул. Он был вхож в парламент и относился к этому очень серьезно. Нередко Майкл задавался вопросом, стал бы сам придавать столь важное значение палате лордов, унаследуй он титул?

Не исключено, что нет. Хотя какая разница?

Майкл снова посмотрел на брата. Тот потирал левый висок.

– Как твое самочувствие? – спросил Майкл. – Выглядишь ты... – Он не смог подобрать слово, которое подошло бы, чтобы описать состояние брата. С Джоном что-то было не так. Это Майкл сразу заметил.

Ведь он знал брата. Знал лучше даже, чем Франческа.

– Голова разрывается, – пробормотал Джон. – Целый день меня мучит.

– Может, тебе принять опийной настойки?

– Не переношу эту гадость, – покачал головой Джон. – От нее все мысли как в тумане, а мне нужна свежая голова на встрече с Ливерпулем.

– Бледный ты что-то, – с кивком сказал Майкл, хотя смысла в этих словах никакого не было. Джон ни за что бы не согласился принять настойку.

– Да неужели? – Поморщившись, Джон снова прижал к виску пальцы. – Пожалуй, я прилягу. Все равно отправляюсь только через час.

– Верное решение, – согласился Майкл. – Если хочешь, я велю прислуге разбудить тебя в нужный час.

– Сам попрошу камердинера, – отмахнулся Джон.

В этот момент раздались шаги Франчески – она спускалась по лестнице, закутанная в длинный темно-синий бархатный плащ.

– Добрый вечер, джентльмены, – проговорила она, явно наслаждаясь вниманием мужчин. Однако сразу нахмурилась, едва миновав последнюю ступеньку. – Дорогой, что-то не так? – обратилась она к мужу.

– Головная боль, – ответил он, – это пустяки.

– Тебе нужно прилечь, – заявила она.

Джон слабо улыбнулся:

– Как раз собирался это сделать, о чем только что и сказал Майклу. И велю Симонсу меня разбудить, чтобы мне не опоздать на встречу.

– С лордом Ливерпулем? – уточнила Франческа.

– Верно. В девять.

– По поводу «Шести актов»?

– Да, – кивнул Джон, – и возвращения к золотому стандарту. Как я тебе и рассказывал за завтраком.

– Но только, прошу тебя... – Франческа прервала себя на полуслове, потрянув головой. – Ну, ты знаешь, о чем я.

С улыбкой Джон склонил голову к жене и нежно поцеловал ее в губы.

– Я всегда понимаю твои чувства, моя дорогая.

Майкл старался делать вид, что происходящее его не интересует.

– Не всегда, – поддразнивала она его.

– Всегда, когда это действительно важно.

– Твоя правда, – признала Франческа. – Эх, не удастся мне изображать из себя таинственную загадочную леди.

Джон вновь поцеловал жену.

– Предпочитаю, чтобы для меня ты была как открытая книга.

Майкл прочистил горло. Ему стало не по себе от этой сцены, хотя эта парочка и раньше так себя вела, для них это довольно типично. Весь высший свет считал их идеальной парой, чьи дни исполнены гармонии и любви.

– Уже поздно, – сказала Франческа. – Если я решила пойти прогуляться, то не стоит больше задерживаться.

Кивнув, Джон зажмурился.

– Ты точно в порядке?

– Да, в полном, – ответил он. – Просто болит голова.

Франческа взяла Майкла под руку.

– Когда вернешься со встречи, обязательно прими опийную настойку, – будучи уже почти в дверях, сказала она. – Сейчас тебя, конечно, никто не заставит это сделать.

Джон кратко кивнул и направился вверх по лестнице.

– Бедняга Джон, – сказала Франческа, когда они вышли на холодный ночной воздух. – Я не выношу головных болей. В такие моменты чувствую себя просто ужасно.

– А у меня их не бывает, – признался Майкл, подавая руку, чтобы помочь ей спуститься с крыльца.

– Правда? – Ее губки чуть дрогнули в ее привычном изгибе. – Ну ты счастливчик.

Майкл едва сдержал смех. Действительно, он ведь гулял по ночному Мейфэру в обществе любимой женщины. Он точно счастливчик.

Глава 2

«...даже если все совсем неважно, то, кажется мне, ты все равно бы ничего мне не рассказал. Насчет женщин же, прошу, удостоверься, что они ничем не заражены. А так, делай все, что считаешь приемлемым, чтобы скрасить себе жизнь. И пожалуйста, возвращайся живым. И пусть я покажусь тебе сентиментальным, но я действительно не представляю, как мне быть, если тебя не станет».

Отрывок письма графа Килмартина его кузену Майклу Стерлингу. В расположении 52-го гвардейского пехотного полка времен войны с Наполеоном.

Франческа признавала, что у Майкла Стерлинга множество недостатков, но несмотря ни на что считала его замечательным человеком. Пусть он ужасный сердцеед (не раз она становилась свидетельницей, как умнейшие женщины теряли разум под властью его обаяния), не относившийся к жизни с толикой серьезности, чего хотели бы от него они с Джоном, Франческа не могла его не любить.

Майкл был лучшим на свете другом для Джона (ну пока последний не женился на ней, разумеется), а за последние пару лет стал таковым и для Франчески. Хотя она раньше и предположить не могла, что одним из ее ближайших приятелей станет мужчина. И дело, конечно, не в том, что в обществе мужчин Франческа чувствовала себя неуютно – четыре родных брата приучат к мужской компании и самую застенчивую девушку. Все же Франческа отличалась от своих сестер. Дафна и Элоиза (да и Гиацинта тоже, наверное, хотя она еще слишком юна, чтобы знать наверняка) – очень решительные леди, открытые к общению. Они отлично стреляют, любят охотиться, так что мужчины привыкли воспринимать их своими в компании. Джентльмены отлично себя чувствуют в обществе таких женщин, и чувство это взаимно, в чем Франческа имела возможность убедиться.

Сама она была другой и всегда знала, чем именно отличается от остальных членов своего семейства. Всех их Франческа любила до беспамятства и готова была отдать жизнь за любого из них в случае необходимости, но все же чувствовала себя чужой среди них, словно в детстве ее подменили.

Бриджертоны отдавались жизни с головой, а она была... пусть и не скромной, но точно более сдержанной, более осторожной. Ее считали остроумной, любительницей саркастических высказываний, – и да, Франческа не трудилась отказывать себе в удовольствии поддеть кого-нибудь из братьев и сестер. Она поддевала их любя, конечно, но не только: проводя столько времени в кругу большой семьи, Франческа постепенно выходила из себя. Тем более что над ней подтрунивали в ответ, так что никто не оставался в обиде.

Такова была ее семья. Все смеются, дразнят друг друга, шутят и пререкаются – постоянно. Вклад Франчески в общий балаган был потише, но с издевкой.

Порой Франческа ловила себя на мысли, что влюбилась в Джона отчасти потому, что он увез ее из этого хаоса в свой спокойной дом. Но только отчасти: Франческа любила мужа. Обожала его. Они во многом были друг на друга похожи, настоящие родственные души. Даже чувство юмора у них было одинаково, и для Франчески стало большим облегчением сбежать от Бриджертонов в безмятежный рай Джона.

Джон понимал ее, знал, чего она хочет. Они дополняли друг друга.

Впервые повстречав его, Франческа ощутила странное чувство – словно она потерянный кусочек пазла, который наконец нашел свою половинку. На их первом свидании не было страстной влюбленности, лишь странное и немного пугающее ощущение, что она наконец встретила

того самого, единственного в мире человека, с кем может быть собой и больше не притворяться.

К тому же вместе с Джоном в ее жизни появился Майкл, его кузен, хотя на самом деле эти двое казались родными братьями. Они и воспитывались вместе, и все у них было общее, поскольку разница в возрасте очень мала.

Но кое в чем они все-таки отличались. Джон был наследником графа, а потому к мальчиками и относились немного по-разному. Однако что касается любви, то оба брата получали ее на равных, потому, вероятно, Майкл вырос таким добродушным. И, судя по всему, унаследовавшему состояние, земли и титул брату он совсем не завидовал.

Майкл не завидовал брату. Франческа это удивляло. Ведь они росли вместе, воспитывались как родные, и Майкл был старшим, но при этом ни разу не рассердился при виде того, как Джону достаются все дары судьбы.

Именно за это Франческа так любила его. Майкл скорее всего лишь посмеялся бы, вздумай она похвалиться его за отсутствие зависти, а после напомнил бы ей о своих многочисленных недостатках, и ему не потребовалось бы особенно преувеличивать, чтобы выставить себя негодяем с пепельно-черной душой. Но истина в том, что Майкл Стерлинг – великодушный человек, способный любить, как никто другой на свете.

И если Франческа в ближайшее время не найдет ему достойной жены, грош ей цена!

– А чем, – начала она и удивилась, каким громким показался ее голос в тишине ночи, – тебе не по нраву моя сестра?

– Франческа, – в его голосе она услышала раздражение и, слава богу, веселые нотки тоже, – я не женюсь на твоей сестре.

– Я и не заставляю тебя на ней жениться.

– Открыто об этом не говорила, да, но по твоему лицу и так все видно.

Она посмотрела ему в лицо, слегка улыбнувшись.

– Да ты на меня не смотрел даже.

– Конечно, смотрел. Да и если нет, какая разница? Я и так знаю, что ты замышляешь.

Он разгадал ее план. Франческе стало не по себе. Неужели он так же, как Джон, хорошо ее понимает?

– Тебе нужна жена.

– А ты, кажется, совсем недавно обещала мужу, что не станешь больше поднимать в разговоре со мной этой темы.

– Обещала – слишком громкое заявление, – сказала Франческа, смерив ее самодовольным взглядом. – Он меня просил об этом, но...

– Конечно, просил, – пробурчал он.

Франческа не сдержала смех. Майклу всегда удавалось ее развеселить.

– А я-то думал, что жене надлежит подчиняться мужу, – сказал Майкл, приподняв правую бровь. – Кстати, я точно уверен, что произнося брачные обеты, жены обещают именно это.

– Ты вряд ли будешь мне благодарен, если я тебе найду именно такую жену, – изрекла Франческа и презрительно фыркнула, дабы подчеркнуть свое отношение к таким женщинам.

Во взгляде, которым Майкл ее одарил, было нечто отеческое. Франческе подумалось, что титул был бы ему к лицу. Да, ему недостает чувства ответственности, но вот такой его взгляд – надменный и самоуверенный – выдает в нем едва ли не принца.

– Поиск жены для меня не входит в список обязанностей графини Килмартин, – заявил он.

– Вот и зря.

Он засмеялся, чем порадовал Франческу. Ей приятно осознавать, что она тоже может его рассмешить.

– Что ж, ладно. – Она решила временно отступить. – Тогда расскажи мне что-нибудь безнравственное. Что-то такое, чего не одобрил бы Джон.

В эту игру они играли даже при Джоне, и тот всегда выказывал свое неодобрение. Хотя Франческа давно подозревала, что муж слушал рассказы брата с неменьшим удовольствием, чем она. Повозникав немного, Джон наострял уши и был весь внимание.

Только Майкл, конечно, рассказывал не много. Ему хватало благоразумия не пускаться в подробности. Однако истории были полны намеков и отличались занимательностью. Франческа и Джон никогда не предпочли бы блаженству в законном браке нечто подобное, но послушать о кутежах и разврате всегда любопытно.

– Боюсь, на этой неделе я не отличился безнравственным поведением, – сказал Майкл, когда они повернули на Кинг-стрит.

– Ты? За всю неделю? Невероятно!

– Да ведь только вторник, – напомнил он.

– Тем не менее если не считать воскресенья, которое, не сомневаюсь, даже ты не решишься осквернить, – Франческа бросила на него взгляд, ясно дающий понять: она понимает, что он готов грешить несмотря на дни недели, – прошел целый понедельник, а за один день можно успеть многое.

– Но не мне. И не в этот понедельник.

– Чем же ты был занят?

Немного поразмыслив, Майкл ответил:

– Да вообще ничем.

– Как же так! – подтрунивала она над ним.

Майкл выдержал паузу, пожал плечами – Франческу всегда тревожил этот его жест, – а после сказал:

– Я ничего не делал. Ходил, общался, ел – и все дела.

Франческа сжала его руку.

– Тебе обязательно нужно кого-то найти, – сказала она тихо.

Он посмотрел ей в глаза, и взгляд его серебристых глаз порастил Франческу глубиной чувств. Но длилось это не дольше мгновения. Майкл снова стал прежним. Однако в душу Франческе успело закрасться подозрение, что он пытался выглядеть в глазах окружающих совсем не тем, кем является на самом деле.

Он притворяется даже с ней.

– Нам пора домой. Уже холодает, а Джон лишит меня головы, если из-за меня ты простудишься.

– Джон пожурит меня за глупость, сам прекрасно это знаешь, – сказала Франческа. – Полагаю, ты просто выбрал такой способ дать мне знать, что тебя ожидает женщина, полностью нагая под простынями.

Майкл усмехнулся – особенно безнравственной, грешной усмешкой. Услышав ее, Франческа поняла, почему большая часть знакомых ему женщин без памяти влюблена в него, несмотря на отсутствие титула, состояния и имени.

– Ты же хотела услышать что-то безнравственное? – спросил он. – Может, хочешь услышать детали? Какого цвета простыни, к примеру?

К ее великой досаде, щеки Франчески залились краской. Хорошо, что в темноте Майкл этого не видел.

– Надеюсь, не желтые. – Она не могла позволить разговору завершиться на смутившей ее фразе. – Желтый невыгодно оттеняет лица.

– А мне в этих простынях не выходить на публику, – отметил он.

– Все равно.

Майкл снова засмеялся. Он наверняка понял, что этой репликой Франческа просто хотела оставить за собой последнее слово. Она уже решила, что Майкл великодушно уступил ей победу, как внезапно, когда она начала получать удовольствие от воцарившейся тишины, он заявил:

– Красные.

– Что, прости? – Хотя она, конечно, все расслышала и поняла, о чем он говорил.

– Простыни – красные.

– Немыслимо! Посвящать меня в такие подробности...

– Ты сама напросилась, Франческа Стерлинг. – Он посмотрел на нее сверху вниз, и черная прядь упала на его лоб. – Однако тебе повезло – я не стану рассказывать мужу о твоём поведении.

– У Джона и в мыслях никогда не было переживать о моем поведении.

На какой-то момент ей показалось, что Майкл оставит эту фразу без ответа.

– Не сомневаюсь. – Его голос прозвучал серьезно и мрачно. – Иначе я не позволил бы тебе меня дразнить.

Франческа смотрела под ноги, опасаясь споткнуться обо что-нибудь, но серьезность его тона заставила ее поднять взор.

– Из всех женщин, которых я встречал, ты – единственная, которая никогда не совершит прелюбодеяния, – сказал Майкл, ласково коснувшись ее подбородка. – Ты даже не представляешь, как это твое качество восхищает меня.

– Я люблю твоего кузена, – прошептала Франческа. – Я никогда его не предаю.

Майкл отстранил руку.

– Я знаю.

В свете луны он выглядел особенно красивым. У Франчески сжалось сердце при виде его, поскольку его жажда любви сразу бросалась в глаза. Конечно же, ни одна женщина на свете не в состоянии устоять перед его прекрасным лицом и мускулистым телом. И если кто-то потрудится заглянуть в его душу, то поймет, что это – добрый, великодушный человек, способный на любовь и преданность.

Безусловно, было в нем и нечто дьявольское – как раз именно то, что привлекало в нем женщин.

– Итак, может, нам пора? – К Майклу вернулась прежняя любезность, и он кивнул в сторону дома.

Вздохнув, Франческа повернула назад.

– Спасибо тебе за прогулку, – сказала она, нарушив длившееся несколько минут молчание. – Я не преувеличивала, жалуясь, что дождь сводит меня с ума.

– Ты не так говорила, – обронил Майкл, но сразу же замолчал. Франческа говорила, что в дождь она сама не своя, а не что она сходит с ума. Однако придираться к замене формулировки стал бы либо педант, либо влюбленный.

– Не так? – Франческа слегка нахмурилась. – Возможно, только подумала. Сегодня я как-то медленно соображаю. Свежий воздух мне, несомненно, пошел на пользу.

– Счастлив был помочь, – галантно ответил Майкл, и она улыбнулась в ответ.

Они уже поднимались по крыльцу Килмартин-Хауса. Едва достигли верхней ступени, как дверь отворилась – дворецкий заметил, что они возвращаются. Он же помог Франческе снять плащ, пока Майкл терпеливо ждал.

– Не хочешь остаться на бокальчик виски, или уже опаздываешь на свидание? – спросила она, озорно состроив ему глазки.

Майкл взглянул на часы в передней. Только половина десятого. Никакого свидания в планах не было, и никто его не ждал, хотя он без каких-либо усилий нашел бы себе подругу на ночь, если бы захотел. Однако оставаться в Килмартин-Хаусе больше не хотелось.

– Мне пора. Дела.

– Нам обоим прекрасно известно, что нет у тебя никаких дел, – сказала Франческа. – Просто тебе не терпится опять предаться разврату.

– Но ведь это такое приятное времяпрепровождение, – пробурчал он.

Франческа уже собиралась ответить ему в своей саркастической манере, но тут подал голос недавно нанятый камердинер Джона Симонс:

– Миледи!

Он стремительно спускался по лестнице. Франческа повернулась к нему, кивком дав понять, что готова его выслушать.

– Миледи, я уже дважды стучал в покои милорда и даже звал его по имени, но он не просыпается. Видимо, очень крепко заснул. Прикажете все равно разбудить его?

Франческа кивнула:

– Да. Я была бы рада дать ему выспаться, уж очень сильно он устает в последнее время, – говорила она, обращаясь уже к Майклу, – однако мне известно, что эта встреча с Ливерпулем очень важна для Джона. Лучше бы... Знаете, Симонс, постойте, лучше я сама разбужу мужа. – Она снова повернулась к Майклу: – До завтра?

– Раз уж Джон еще дома, я подожду его, – сказал он. – Я пришел сюда пешком и с радостью бы воспользовался его каретой, когда он доберется до места.

Франческа, кивнув, побежала наверх. Майкл остался ждать в прихожей, оглядывая картины на стенах и тихонько что-то напевая.

Внезапно раздался пронзительный крик.

* * *

Майкл не помнил, как оказался наверху, в спальне Франчески и Джона, – в этом доме единственной комнате, где он прежде никогда не был.

– Франческа? – с трудом переводя дыхание, звал ее он. – Фрэнни, Фрэнни, что случилось?

Франческа сидела на постели, вцепившись в безвольную руку Джона.

– Майкл, разбуди его, разбуди, пожалуйста! – кричала она. – Разбуди! У меня не получается. Разбуди же его!

Майклу показалось, что земля уходит из-под ног. Даже несмотря на то что кровать стояла в другом конце комнаты, он понял, что привычный мир рухнул.

Лучше Майкла Джона не знал никто. Никто. И в этих покоях Джона уже не было. Он ушел навсегда.

– Франческа, – прошептал Майкл, медленно шагая в ее сторону. Ноги его словно одеревенели и отказывались слушаться. – Франческа...

Она смотрела на него огромными глазами, полными боли.

– Разбуди его, Майкл!

– Франческа, я...

– Давай же! – Франческа кинулась к нему. – Разбуди его! Скорее! Разбуди! Ты можешь!

Но Майкл мог только стоять неподвижно, пока ее кулаки били по его груди, пока ее руки цеплялись за его одежду и тянули за галстук, пока он не начал задыхаться. Майкл даже не мог заставить себя обнять ее и утешить, потому что сам был сражен.

Внезапно Франческа словно лишилась сил, обмякла, и слезы полились из ее глаз.

– У него же просто болела голова, – говорила она. – Просто болела голова. – Франческа посмотрела Майклу в глаза, словно в поисках ответов, которые он не в силах ей дать. – Просто болела голова, – повторяла она снова и снова, выходя совершенно сломленной.

– Я знаю, – выдавил он, понимая, что этой фразы будет недостаточно.

– Майкл! – Франческа ударилась в рыдания. – Что же делать?!

– Я не знаю. – Он действительно не знал. В Итоне, Кембридже и в армии его, казалось, подготовили к любым сюрпризам, которые может преподнести жизнь. Однако, судя по всему, кое-что они упустили.

– Не понимаю, – стонала Франческа. Она много чего говорила, но Майкл как будто не слышал ее. Все чувства словно отказали ему, тело отяжелело, а душу как будто вырвали из него.

Только не Джон.

Почему?

За что?!

Майкл сидел у постели мертвого брата и смутно сознавал, что в дверях собираются слуги. Вдруг до него дошло, что Франческа в слезах вопрошает о том же:

– Только не Джон. Почему? За что?

– Вы не думали о том, что она может ждать ребенка?

Майкл уставился на лорда Уинстона, которого недавно назначили представителем комитета по привилегиям палаты лордов. Изумленный, Майкл пытался понять смысл его слов. Едва ли сутки прошли, как умер Джон. Майкл пока с трудом понимал вообще что-либо. И вдруг этот человек, исполненный рвения, встает на его пути и изрекает какую-то ерунду насчет священного долга перед короной.

– Если леди Килмартин беременна, – не унимался Уинстон, – ситуация значительно усложнится.

– Я не знаю, – ответил наконец Майкл. – Я не спрашивал.

– Необходимо узнать. Уверен, вы хотите как можно скорее вступить в ваши новые права, однако необходимо удостовериться, что леди не ждет ребенка. К тому же, даже если и ждет, то члену нашего комитета придется присутствовать при родах.

Майкл не смог сразу ответить, поскольку лишился дара речи.

– Что-что вы сказали?! – с трудом выговорил он наконец.

– Нередко подменяют детей, – мрачно сказал лорд Уинстон. – Бывали случаи...

– Да что вы себе...

– Кстати, это в ваших же интересах, – перебил Майкла лорд Уинстон. – Если леди Килмартин родит девочку и никто это не засвидетельствует, кто помешает ей подменить ее на мальчика?

Майкл не удостоил его ответом.

– Вы должны узнать, не беременна ли она, – повторил лорд Уинстон. – Чтобы потом принять все необходимые меры.

– Она потеряла мужа только вчера, – сказал Майкл. – Я не собираюсь терзать ее такими бестактными вопросами.

– Есть вещи и поважнее чувств леди Килмартин, – не уступал лорд Уинстон. – Пока есть сомнения относительно порядка наследования титула, мы не можем начать процесс передачи его вам.

– Да пропадите вы пропадом с этим титулом! – огрызнулся Майкл.

Ахнув, лорд Уинстон отшатнулся от такой резкости.

– Да как вы смеете, милорд!

– Я вам не милорд, – рявкнул Майкл. – Я никому не... – Слова застряли у него в горле. Майкл почувствовал, что вот-вот разрыдается – и прямо здесь, в кабинете Джона, на виду у этого неприятного типа, не способного понять, что вчера умер не просто граф, а человек. Майклу очень хотелось заплакать.

Он почти не сомневался, что в итоге не сдержит слез. Сразу как только Уинстон уйдет, Майкл, закрыв за ним дверь, разревется, уткнувшись в ладони лицом.

– Кому-то нужно спросить графиню, – снова заговорил лорд Уинстон.

– Я – не стану, – негромко сказал Майкл.

– Тогда я сам.

Потеряв самообладание, Майкл подскочил с кресла и, прижав Уинстона к стене, прокричал:

– Даже не думайте! Не смейте даже подходить к ее покоям! Ясно вам?

– Вполне, – выдавил он ответ.

Майкл отпустил его, заметив, что лицо этого низенького человечка слегка побагровело, и велел:

– Выметайтесь!

– Но вам нужно...

– Вот отсюда! – взревел Майкл.

– Вернусь завтра. Поговорим, когда вы немного успокоитесь. – Договорив, лорд Уинстон спешно прошмыгнул за дверь.

Майкл, прислонившись к стене, смотрел ему вслед. Он не мог понять, что произошло с Джоном и почему. Брату ведь и тридцати не было, и он был совершенно здоров. Конечно, Майкл считался наследником графства все то время, пока у Джона с Франческой не было детей, но никто всерьез не считал, что Майкл действительно станет графом.

В клубе ему уже довелось услышать, что о нем говорят как о «самом удачливом британце». Одно мгновение – и он больше не на окраине аристократии, а в самом ее центре. Никому и в голову не приходило, что Майкл никогда не желал такой участи. Никогда.

Ему не нужно графства. Ему нужен его кузен. Но никто не понимал этого.

Разве что Франческа, но та настолько погрузилась в горе, что вряд ли думала о переживаниях Майкла. Да ему и в голову не придет жаловаться ей. Уж точно не сейчас, когда она так страдает.

Майкл никогда не забудет выражения ее лица, когда она осознала, что Джон уже не проснется. Что он вовсе не спит.

Двадцатидвухлетняя, прекрасная Франческа Бриджертон Стерлинг выглядела самым печальным человеком на свете. Она теперь вдова.

Майкл настоял, чтобы мать Франчески приехала поддержать дочь, и вчера они вдвоем уложили ее спать. К тому моменту Франческа уже не плакала, убитая горем, и заснула, как младенец.

Проснувшись утром, она взяла себя в руки, словно решила быть сильной и не поддаваться скорби, и принялась за дела, грудой свалившиеся на ее хрупкие плечи после смерти Джона. Только вот никто не понимал, в чем именно заключаются эти дела. Оба были молоды и беззаботны – до вчерашнего дня. Ни один из них прежде не сталкивался со смертью.

Кто бы мог подумать, что уже на второй день явится представитель комитета по привилегиям? Да еще и с такими бестактными требованиями в столь скорбное время?

Конечно, Франческа в самом деле может быть беременна. Но, проклятье, Майкл не станет ее об этом спрашивать!

– Нужно сообщить его матери, – утром сказала она. То были ее первые слова. Без приветствий и лишних замечаний, сразу: «Нужно сообщить его матери».

В ответ ей Майкл кивнул, поскольку был полностью с ней согласен.

– И твоей матери тоже нужно сказать. Они ведь сейчас в Шотландии и не могут ничего знать.

Майкл опять кивнул. На большее он не был способен.

– Я им напишу, – кивнул он в третий раз, гадая, что ему дальше делать.

О необходимых дальнейших действиях ему сообщил лорд Уинстон, но об этом Майкл даже думать не хотел. Ведь тогда невольно закрадывались мысли о том, что ему дала смерть Джона. Но разве его смерть могла дать что-то хорошее?

Ноги отказывались держать его, и Майкл почувствовал, что скользит вниз, на пол. Он сел, вытянув вперед ноги и свесив голову. Он не хотел ничего получать. Или же хотел?

Майкл хотел Франческу. Но ничего больше. И не так. Не ценой смерти брата.

Он никогда не испытывал зависти к Джону. Не хотел ни власти, ни денег, ни титула. Он хотел только его жену.

А теперь все складывается таким образом, что Майклу придется принять титул. За это сердце его безжалостно терзало чувство вины.

Быть может, он хотя бы однажды желал брату смерти? Нет, невозможно. Никогда он не хотел, чтобы Джон умер.

Или хотел?

– Майкл?

Он поднял голову. Лицо Франчески по-прежнему сохраняло пустое выражение, и выглядела эта маска хуже гримасы самых горьких рыданий. У Майкла разрывалось сердце при взгляде на нее.

– Я послала за Джанет. – Она имела в виду мать Джона. Какое же горе испытает несчастная женщина! – И за твоей матерью. – Она тоже будет в отчаянии. – Как ты считаешь, кому еще следует сообщить?

Майкл покачал головой. Он осознал, что должен встать в присутствии леди, но не мог найти сил. Неприятно было, что Франческа видит его таким слабым и сломленным, однако перебороть себя у него не получалось.

– Присядь лучше, – выдавил он наконец. – Передохни.

– Не могу, – сказала она. – Мне необходимо... Если присяду хоть на миг, я просто...

Она прервалась на полуслове, но Майкл и так все понял.

Он снова посмотрел на нее снизу вверх. Она заплела свои каштановые волосы в простую косичку. Лицо бледное. Она выглядела такой юной, почти как дитя. Она определенно была слишком молода, чтобы переживать такое горе.

– Франческа, – сказал он просто так, не обращаясь к ней и ни о чем не спрашивая.

И вот она произнесла эти слова. Ему даже не пришлось лезть к ней с этим вопросом.

– Я беременна.

Глава 3

«...Я его люблю. Люблю до безумия! Без него мне не жить».

Графиня Килмартин – сестре Элоузе Бриджертон, через неделю после бракосочетания.

– Со всей ответственностью заявляю, Франческа, что прежде никогда не видела будущей матери, такой светящейся здоровьем.

Слова свекрови вызвали у Франчески улыбку. Они прогуливались в саду при особняке, в котором теперь все вместе жили. В одну ночь Килмартин-Хаус превратился в королевство женщин. Первой приехала Джанет, после – Хелен, мать Майкла. Дом наполнили женщины Стерлинг, и теперь тот казался совершенно другим.

И Франческа это ощущение казалось странным. Она думала, что в этом доме всегда будет чувствоваться присутствие Джона, что он будет видеться ей во всем: в вещах, которые их окружали, в самой атмосфере. Однако Джон просто исчез, а нахлынувшие после его смерти дамы словно подменили этот дом. И Франческа считала, что это, пожалуй, к лучшему: поддержка ей сейчас необходима.

Но жить в обществе женщин было очень непривычно. Отныне дом заполнили цветы – вазы попадались на каждом шагу. Запахи сигар и сандалового мыла Джона, которые, казалось, пропитали комнаты особняка, теперь совсем выветрились. Отныне тут царили ароматы лаванды и розовой воды, и каждый раз, когда обоняние Франчески отмечало эти новые нотки, ее сердце разрывалось от печали.

Майкл тоже теперь как будто сторонился ее. Он, конечно, ее навещал по несколько раз на неделе, – и Франческа, если быть честной, считала его визиты, – но он как будто не присутствовал в доме как раньше, при Джоне. Майкл изменился, и Франческа запрещала себе его осуждать за это, даже мысленно. Надо помнить, что он тоже страдает.

И Франческа напоминала себе об этом при каждой их встрече, когда замечала его отчужденный взгляд, когда замечала, что он больше не дразнит ее, как прежде, и когда ловила себя на том, что не знает больше, о чем с ним разговаривать.

Франческа напоминала себе об этом всегда, когда им приходилось сидеть в неловком молчании.

Кажется, вместе с Джоном она потеряла и Майкла. И пусть над ней теперь трепетали две – даже три, если считать маму, которая приходила в гости каждый день, – матери, Франческу мучило одиночество. И тоска.

Никто не предупредил, что будет так тоскливо. Почему никому не пришло в голову ей это объяснить? Хотя даже если бы ее мать, которой тоже пришлось рано овдоветь, попыталась ей пересказать чувства, которые будут отныне наполнять ее, разве Франческа бы поняла?

Нет, такое можно только прочувствовать.

И почему Майкл не поможет ей? Не утешит ее? Почему он не понимает, что так нужен ей сейчас? Ей нужен именно он, а не ее мать. Ни мать Майкла и ни мать Джона.

Нужен только Майкл – человек, знавший Джона так же хорошо, как она, и любивший его столь же сильно. Майкл – словно звено, связывающее ее с мужем, которого пришлось потерять, и Франческа ненавидела Майкла за то, что он отдалился от нее.

Пусть он часто ее навещал, но даже когда они сидели в одной комнате, он, черт возьми, словно пребывал где-то не с ней. Никаких больше шуток и подколов, без которых раньше их общение было невозможно. Они, горестные и печальные, сидели друг напротив друга, и даже если удавалось завязать разговор, фразы выходили неловкие и вымученные.

Ну почему они не могут общаться, как при Джоне? Франческа не предполагала, что дружба с Майклом может тоже умереть.

– Как твое самочувствие, дорогая?

Франческа посмотрела на Джанет и не сразу осознала, что та обратилась к ней с вопросом. Может, это уже даже не первый вопрос, а она, задумавшись, проигнорировала их все. Теперь Франческа часто этим грешила.

– Прекрасно, – ответила она. – Все как раньше.

– Поразительно, – изумленно покачала головой свекровь. – Прежде никогда не слышала ни о чем подобном.

Франческа пожала плечами:

– Если бы у меня не прекратились регулы, я бы не заметила никаких перемен в своем состоянии.

Франческа не соврала. У нее не появилось ни утренней тошноты, ни тяги к соленому – вообще ничего нового. Разве что она уставала быстрее, чем раньше, но это вполне могло быть от перенесенного горя. Мать ей рассказывала, что сама она целый год после смерти мужа ощущала себя жутко уставшей.

Хотя у матери к этому моменту уже было восемь детей, отнимавших у нее немало сил. Франческа же заботилась только о себе, и даже в этом ей помогала армия слуг. За ней был такой уход, словно она инвалид из королевской семьи.

– Это редкая удача, – говорила Джанет, усаживаясь напротив снохи. – Когда я носила Джона, меня тошнило и рвало каждое утро. Да и днем тоже бывало.

Кивнув, Франческа снова улыбнулась. Об этом Джанет уже не раз рассказывала. После смерти сына бедная женщина болтала без умолку, словно пыталась таким образом заполнить царящую в доме скорбную тишину. Франческа была благодарна свекрови за это, хотя не сомневалось, что лишь время способно помочь загасить боль утраты.

– Как же я рада, что ты ждешь ребенка. – Джанет вдруг резко подалась вперед и сжала ее руку. – Осознавая это, пережить горе мне чуточку легче. Или, вернее сказать, не столь невыносимо, – добавила она, предприняв не слишком удачную попытку улыбнуться.

Франческа смогла лишь кивнуть в ответ, поскольку опасалась, что если проронит хоть слово, слезы польются ручьем.

– Я всегда хотела еще детей, – говорила Джанет. – Но не получилось. А когда Джон умер... Знаешь, могу просто сказать, что ни одному на свете внуку не доставалось столько любви и заботы, которыми я одарю твое дитя. – Замолчав, она сделала вид, что вытерла нос, но Франческа заметила, что свекровь промокнула глаза. – То, что я дальше скажу, пусть останется между нами. Мне действительно совершенно все равно, родишь ты мальчика или девочку. Самое главное – это будет частичка Джона.

– Я знаю, – тихо сказала Франческа, коснувшись своего живота. Очень хотелось как-то ощутить его внутри себя, хотя она и знала, что срок слишком мал, чтобы малыш начал толкаться. Если ее подсчеты верны, она была на третьем месяце. Однако пока все старые платья сидели на ней по-прежнему идеально, у нее не появилось никаких причуд, никаких неприятных болезненных состояний, на которые жаловались другие беременные.

Франческа была бы только рада каждое утро избавляться от завтрака – ведь таким образом ее малыш сообщал бы ей, что он с ней, что он живой.

– Ты видела Майкла в последние дни?

– С понедельника с ним не виделась, – ответила Франческа. – Теперь он редко заходит.

– Он скучает по Джону, – тихо проговорила Джанет.

– Как и я, – вставила Франческа и едва не содрогнулась от резкости своего тона.

– Майклу сейчас очень тяжело, – добавила Джанет задумчиво.

Изумившись, Франческа смотрела на свекровь во все глаза.

– Я вовсе не говорю, что тебе легко, – торопливо продолжила она. – Но представь себе его положение: ему еще шесть месяцев предстоит гадать, станет он графом или нет.

– Ну, приблизить сей момент я не могу.

– Разумеется, – подхватила свекровь, – и все же ему так неловко! Уже от стольких матрон я слышала, что его никто не воспримет как достойного жениха, пока ты не родишь девочку. Ведь выйти за графа Килмартина – это одно, а за небогатого графского родственника – совсем другое. И пока никто не знает, кем его считать.

– Майкл отнюдь не беден, – заметила Франческа, брезгливо поморщившись. – К тому же до окончания траура он ни за что не женится.

– Да, не сомневаюсь, он дождетсЯ окончания траура, но надеюсь, что выбирать невесту начнет уже в скором времени, – сказала Джанет. – Я очень хочу, чтобы Майкл стал счастливым. А если он все-таки станет графом, то должен будет думать о наследнике. В противном случае титул перейдет к нашим кошмарным дебнемским родственничкам. – Джанет передернула плечами от этой неприятной мысли.

– Майкл поступит как должно, – отозвалась Франческа, хотя на самом деле сомневалась в этом. Она с трудом представляла Майкла женатым. Это и раньше было нелегко, ведь он вряд ли стал бы хранить верность жене. А теперь такая мысль и вовсе казалась странной. В течение двух лет у нее был и Джон, и Майкл в качестве друга. Если же он женится, она станет третьей лишней. Как Франческа это перенесет? Сможет ли радоваться за него, прозябая в одиночестве?

Она потеряла глаза. Усталость и слабость одолевали ее. Стоит думать, что это хорошо: ведь беременные женщины всегда устают быстрее обычного.

– Наверное, я пойду полежу наверху, – посмотрев на Джанет, сказала она.

– Хорошая мысль, – одобрила ее свекровь.

Кивнув, Франческа встала – но ее сразу качнуло, и пришлось схватиться за подлокотник кресла.

– Не понимаю, что со мной творится. – Франческа попыталась улыбнуться. – Ноги что-то совсем не держат...

Громкий вскрик Джанет прервал ее.

– Джанет?

Франческа с тревогой посмотрела на нее. Свекровь побледнела, дрожащая ее рука зажала рот.

– Что случилось? – договорив, Франческа поняла, что Джанет смотрит на стул.

Накатила волна ужаса. Франческа заставила себя посмотреть на место, где только что сидела.

На подушке алело пятно. Кровь.

* * *

«Как стало бы легче, – печально думал Майкл, – будь я пьяницей. Лучше всего бы сейчас утопить горе в вине».

Увы, такая роскошь ему была недоступна. Во-первых, он отличался на редкость крепким телосложением, а во-вторых, мог пить много и не терять при этом трезвость мысли. А потому ему вряд ли хватило бы одной бутылки виски, что сейчас стояла на столе перед ним, чтобы напиться до беспамЯтства.

Майкл бросил взгляд в окно. Еще даже не сумерки. Пусть он и старался казаться отчаянным кутилой, но даже он не мог осилить целую бутылку виски до заката.

Выстукивая пальцами по столу незамысловатую мелодию, Майкл гадал, что ему делать. Со дня смерти Джона прошло почти полтора месяца, однако он пока не спешил перебраться

из своей квартирке в Олбани в Килмартин-Хаус. Хозяином этого особняка должен быть граф Килмартин, а если Майкл и станет таковым, то не раньше, чем через шесть месяцев.

Если лорд Уинстон, которого Майклу все-таки приходилось терпеть, прав, то титул останется ничьим до самых родов Франчески. Если родится мальчик, в жизни Майкла ничего не поменяется – он останется родственником графа.

Но не неопределенность заставляла Майкла держаться от Килмартин-Хауса подальше. Даже если бы Франческа не была в положении, он бы туда не переехал. Все дело в ней.

Она все еще графиня Килмартин. Но даже если он станет графом, его графиней она не будет никогда, и Майкл сомневался, что такое испытание судьбы ему по силам.

Он рассчитывал, что из-за горя воцеление к ней пропадет, однако, к сожалению, желание все равно охватывало его всякий раз, стоило ее увидеть. Он, как и раньше, напрягался всем телом, стоило ей нечаянно его задеть. Его сердце по-прежнему жаждало ее любви.

Теперь же Майкла мучила еще одна вина – словно он мало страдал до смерти Джона. Франческа горевала, а он, как двоюродный брат ее мужа, должен был ее поддерживать, а не терзаться запретной страстью. Господи, Джона похоронили совсем недавно! Какое же он чудовище, если в такое время может желать вдове своего брата!

Да еще и беременную.

Майкл теперь и так может занять место Джона в жизни. Нельзя допустить, чтобы он заменил его и на супружеском ложе.

Поэтому он отдалился от Франчески. Конечно, не сжег мосты – такой жест выдал бы его с головой, да и невозможно было совсем прекратить общение, когда и его мать, и мать Джона жили в Килмартин-Хаусе. Вдобавок еще все ожидали, что он возьмется за исполнение обязанностей графа, и не важно, перейдет к нему в итоге титул или нет.

И да, Майкл занялся этими делами. Ему было нетрудно уладить в день по несколько мелочей, дабы сохранить состояние, которое, возможно, в итоге перейдет сыну Джона. В конце концов, это меньшее, что он мог сделать для брата.

И для Франчески. Пусть ему не хватало сил и дальше играть роль ее друга, как того требовала ситуация, он мог по крайней мере поддерживать ее финансы в порядке.

Однако он понимал, что она заметила его отчуждение. Когда он приходил в Килмартин-Хаус, чтобы покорпеть в кабинете Джона над бесчисленными отчетами поверенных и управляющих, она часто навещала его. Очевидно, искала прежних отношений, но Майкл отныне не мог больше так вести себя с ней.

Пусть это его слабость или даже эгоизм. Просто он больше не мог быть ее другом. По крайней мере пока.

– Мистер Стерлинг?

Майкл поднял глаза. В дверях стоял его камердинер, а рядом с ним – лакей в зеленой с золотом ливрее Килмартин-Хауса. Эту ливрею он бы ни с какой другой не спутал.

– Вам записка, – сказал лакей. – От вашей матушки.

Майкл молча протянул руку, задумавшись, какие новости подоспели на этот раз. Мать почти через день вызывала его в Килмартин-Хаус по разным делам. Лакей прошел через комнату, чтобы вручить послание, и, передавая конверт, добавил:

– Велели передать, что дело очень срочное.

Срочное? Вот уж действительно новости. Майкл взглядом дал понять, что лакей и камердинер могут быть свободны, а когда остался один, вскрыл конверт.

«Приезжай как можно скорее, – писала мать. – У Франчески выкидыш».

В Килмартин-Хаус Майкл гнал коня так быстро, что едва не убился насмерть. Всю дорогу ему вслед сыпались гневные крики пешеходов, едва не сбитых его скакуном.

Выкидыш? Это женское дело. Чем он может помочь? Разумеется, это страшное горе, он боялся за жизнь Франчески, но как ее поддержать? Зачем его позвали?

И тут он понял, и его как будто поразило громом. Он стал графом. Свершилось. Пусть и медленно, но он прибирал себе все, что некогда принадлежало Джону, весь его мир.

– О Майкл! – причитала мать, выбегая ему навстречу. – Как же хорошо, что ты приехал!

Майкл неловко обнял мать. Он даже что-то сказал – абсолютно ненужное и лишнее смысла из разряда: «Какой кошмар». На деле же он просто стоял, чувствуя себя при этом крайне глупо и беспомощно.

– Как она? – выдавил он вопрос, когда мать наконец отстранилась.

– Подавлена. Плачет без умолку.

Майкл нервно сглотнул. Как же жаль, что нельзя чуть-чуть распустить галстук.

– Что ж, это неудивительно, – проговорил он. – Я... я...

– Она никак не успокаивается, – перебила его Хелен.

– Все плачет?

Хелен кивнула:

– Я не представляю, что делать.

Майкл заставил себя выровнять дыхание. Взять себя в руки. Успокоиться. Вдох-выдох.

– Майкл? – Мать смотрела на него в ожидании ответа. Или каких-то указаний.

Как будто он знал, что делать в подобных ситуациях.

– Ее мать приехала, – сказала Хелен, не дождавись ответа от сына. – Она хочет, чтобы Франческа переехала назад в Бриджертон-Хаус.

– А сама Франческа этого хочет?

Хелен пожала плечами.

– Думаю, она не знает сейчас, чего хочет. У нее такой шок.

– Да. – Майкл снова сглотнул. Он очень не хотел оставаться здесь. Лишь бы поскорее убраться отсюда.

– Врач говорит, что в течение нескольких дней ее не стоит трогать, – говорила Хелен.

Майкл кивнул. – Вот мы и послали за тобой, естественно.

Естественно? Майкл никогда раньше не чувствовал себя так неестественно. Он совершенно растерялся и не знал, что сделать или сказать.

– Теперь ты граф Килмартин, – продолжала Хелен.

Майкл опять кивнул. На то, чтобы ответить словами, у него не было сил.

– Вынуждена сказать, я... – Хелен замолчала, нервно поджав губы. – Каждая мать желает своему чаду самого лучшего, однако я и подумать не могла...

– Не стоит об этом, – прохрипел Майкл. Он не хотел слышать от кого бы то ни было, что для него все сложилось наилучшим образом. А уж если кому-нибудь, боже упаси, придет в голову его еще и поздравить...

Он точно утратит самоконтроль.

– Она спрашивала о тебе, – сказала Хелен.

– Франческа? – Майкл округлил глаза от удивления.

– Да, – кивнула мать, – она хотела тебя увидеть.

– Не могу, – только и сказал он.

– Ты должен.

– Я не могу. – Нарастала паника, и Майкл лихорадочно покачал головой. – Я не в состоянии войти в ее покои.

– Ты не можешь бросить ее, – настаивала мать.

– Моей она никогда не была – и не мне ее бросать.

– Майкл! – воскликнула Хелен. – Как ты смеешь так говорить?!

– Мама, – Майкл пытался как-то объяснить свою позицию, – только женщины ей могут помочь. Что там делать мне?

– Поддержать ее по-дружески, – сказала Хелен, и Майкл почувствовал себя ребенком, которого бранят за проступок.

– Нет. – Ответ прозвучал так, что Майкл сам испугался своего голоса. Это был голос раненого животного, в котором смешались боль и смятение. Но Майкл наверняка знал, что не может видаться с ней сейчас. Только не сейчас.

– Майкл, – сказала мать.

– Нет, – повторил он. – Я увижусь с ней... завтра. Я... – Уже по пути к двери он бросил через плечо: – Передай ей мои наилучшие пожелания.

Майкл сбежал.

Глава 4

«...Уверена, подобные трагедии излишни. Я, конечно, не утверждаю, что понимаю это – любовь между мужем и женой, однако сомневаюсь, что чувство это столь всепоглощающее, что в случае смерти одного из супружеской пары вслед за ним на тот свет отправляется другой. Дорогая моя сестра, ты гораздо сильнее, чем тебе кажется. Ты прекрасно справишься и без него, хотя, возможно, сейчас так не считаешь».

Элоиза Бриджерстон – сестре, графине Килмартин, через три недели после свадьбы.

Следующий месяц стал для Майкла сущим адом. С каждой очередной церемонией, с каждым очередным документом, который он подписывал как граф Килмартин, с каждым обращением «милорд» дух Джона как будто бы улетучивался.

Майкл порой бесстрастно думал, что скоро ему будет казаться, словно Джона никогда и не было на свете. Даже ребенок, который должен был стать частичкой его в этом мире, умер еще в утробе матери.

А все, что когда-то принадлежало Джону, теперь получил в свое распоряжение Майкл. За исключением Франчески.

И Майкл твердо намеревался ничего не менять в данном отношении. Он ни за что не позволит себе предать покойного брата таким образом.

Конечно, ему пришлось все-таки навестить Франческу, чтобы высказать подобающие случаю соболезнования. Однако те слова, что он мог ей сказать, были ей не нужны, и она слушала его, отвернувшись к стене.

Что еще сказать, Майкл не знал. Если быть с собой честным, он чувствовал такое облегчение, что сама она выжила, что не особенно огорчился из-за потери ребенка. Трое матерей – Хелен, Джанет и мать Франчески – сочли необходимым в деталях передать ему кошмар произошедшего, а какая-то горничная даже продемонстрировала окровавленную простыню, сохраненную как доказательство выкидыша.

Узнав обо всем этом, лорд Уинстон одобрительно кивнул, но добавил, что все-таки станет пока приглядывать за графиней, дабы убедиться, что у нее не начал расти живот. Свое решение он объяснил тем, что люди и прежде нарушали таким образом священные законы первородства.

подавив желание вышвырнуть этого человека в окно, Майкл указал на дверь. Кажется, у него не осталось сил, чтобы выказывать какой-то гнев. В Килмартин-Хаус он пока так и не переехал, просто не был готов к этому. От одной лишь мысли о том, что ему предстоит жить в этом доме с этими женщинами, он начинал задыхаться. Да, рано или поздно ему придется переехать: титул обязывает графа жить в своей резиденции. Но этот момент он хотел оттягивать как можно дольше, довольствуясь своим скромным жилищем.

Итак, он прятался в своих апартаментах, игнорируя свой долг, пока Франческа в конце концов сама к нему не явилась.

– Майкл! – сказала она, как только камердинер оставил их наедине в его маленькой гостиной.

– Франческа. – Майкл был ошеломлен ее появлением. Ведь раньше Франческа никогда к нему не приходила. Ни когда Джон был жив, ни тем более после того, как умер. – Что ты тут делаешь?

– Я захотела тебя увидеть, – сказала она. Но он понял, что хотела сказать она другое: «Ты сторонись меня».

Сущая правда, конечно. Майкл ответил:

– Присаживайся, – и поспешно добавил: – Пожалуйста.

Разве присутствие ее в его квартире не выходило за рамки приличий? Майкл не знал наверняка. Они с ней оказались в крайне необычном положении, так что едва ли правила, уместные для принятого порядка вещей, можно было применять к их ситуации.

Устроившись, Франческа с минуту молча теребила ткань своего платья, очевидно нервничая. Наконец, посмотрев ему в лицо, она с душераздирающей искренностью заявила:

– Я по тебе соскучилась.

Майклу почудилось, что стены смыкаются над его головой.

– Франческа, я...

– Ты был мне другом, – не без укоризны продолжила она. – Если не считать Джона, то самым близким другом, а кто для меня ты теперь, я не знаю.

– Я... – Майкл чувствовал себя слабым никчемным идиотом. Груз вины уничтожал его все это время, а теперь взгляд ее синих глаз поверг его окончательно.

Хотя в чем он себя винил? Майкл и сам уже не знал. Просто чувствовал, что виноват, виноват во многом. Вина за все навалилась на него неподъемным грузом, и он с трудом понимал, где виноват, а где все-таки нет.

– Что с тобой происходит? – спросила она. – Почему ты меня избегаешь?

– Не знаю, – ответил он, так как не мог солгать ей, заявив, что вовсе не избегает ее. Франческа слишком умна, чтобы в это поверить. Но сказать ей правду он уж точно не посмел бы.

Ее губы задрожали, и она прикусила нижнюю. Майкл был не в силах оторвать взгляд от ее рта и ненавидел себя за желание, которое в этот момент пробудилось.

– Я думала, мы друзья, – шептала она.

– Франческа, не надо.

– Ты был так мне нужен, – продолжила она. – Ты нужен мне и сейчас.

– Я тебе не нужен, – сказал он. – У тебя есть сестры и целых три матери.

– Я не хочу говорить с сестрами, – заявила она более спокойно. – Они ничего не понимают.

– Тогда мне тем более не понять, – сказал Майкл, от безнадежности тон получился резче, чем он хотел.

Она с осуждением посмотрела на него.

– Франческа, ты... – Подавив желание вздеть руки к небесам, он скрестил их на груди. – У тебя же был выкидыш.

– Да, – только и сказала она.

– Чем я могу помочь в такой ситуации? Тебе стоит поговорить с женщиной.

– Разве ты не в состоянии сказать мне, что сожалешь?

– Я уже говорил, что очень сожалею!

– А сказать это искренне ты тоже не можешь?

Что эта женщина от него хочет?

– Франческа, я говорил совершенно искренне.

– Меня одолевает такой гнев, – с каждым словом голос Франчески звучал все громче, – такие печаль и горе. А когда я смотрю на тебя, то не понимаю, почему ты не чувствуешь того же.

С миг Майкл не мог пошевелиться.

– Никогда больше так не говори, – прошептал он, чувствуя, как волной накатывает гнев.

– Что ж, у тебя весьма необычный способ демонстрировать свое огорчение. Ты так редко заходишь, не разговариваешь со мной, ты вообще не понимаешь...

– Да что я должен понять?! – сорвался Майкл. – Что я могу понять? Господи... – Майкл прервал себя на полуслове, боясь наговорить лишнего, и отвернулся к окну, положив руки на подоконник.

Франческа сидела неподвижно, тихая, как сама смерть. Наконец она сказала:

– Ума не приложу, зачем я пришла. Мне пора.

– Не уходи, – попросил он хрипло, но не повернулся.

Франческа ничего не ответила. Она его не понимала.

– Ты же только что пришла. – Его голос едва не срывался. – Выпей хотя бы чаю.

Франческа кивнула, но Майкл по-прежнему на нее не смотрел.

Давящая тишина длилась несколько минут – слишком долго, и под конец она стала казаться Франческе невыносимой. В углу тихо тикали часы, а она смотрела Майклу в спину и без конца задавалась вопросом: зачем она сюда пришла? Что ей от него было нужно? Франческа стало интересно, полегчало бы ей, если бы она нашла ответы на эти вопросы.

– Майкл! – Она даже не успела осознать, как произнесла его имя.

Майкл обернулся. По-прежнему молчал, но уже хотя бы смотрел на нее.

– Я... – Зачем она его окликнула? Для чего? – Я...

С его губ не сорвалось ни слова. Он просто ждал продолжения ее фразы, отчего Франческа было только тяжелее. Она не могла собраться с мыслями, и вдруг, к ее ужасу, все набравшее хлынуло потоком:

– Я не знаю, как мне теперь быть, что делать. – Голос ее дрожал. – Такой гнев мучит меня, и я... – Франческа замолчала, боясь заплакать. Нервно вздохнула.

Майкл лишь приоткрыл рот, но ни звука так и не издал.

– Я не понимаю, почему это происходит со мной, – простонала она. – В чем я провинилась? Что я такого сделала?

– Ничего, – только и сказал он.

– Его больше нет, и он не вернется, а мне так... так... – Она посмотрела на Майкла, чувствуя, что ее лицо искажено гневом и печалью. – Это несправедливо. Неправедливо, что это случилось именно со мной, а не с кем-то еще, несправедливо, что такое вообще с кем-то происходит, несправедливо, что я потеряла... – Франческа больше не хватало воздуха, но со вздохом она ударилась в рыдания, и прекратить уже не могла.

– Франческа, – сказал Майкл, подойдя к ней и опустившись на колени. – Я тебе очень сочувствую. Мне очень жаль.

– Знаю, – сквозь рыдания отозвалась она. – Но от этого мне не легче.

– Конечно, нет, – проговорил он.

– И это тоже так несправедливо.

– Да, – согласился он.

– Это... это...

Майкл не договорил за нее. А лучше бы он закончил ее фразу – так Франческа будет думать потом. Она будет долгие годы сожалеть об этом, поскольку он мог бы сказать что-то нелепое, и тогда она бы не упала в его объятия.

Но, господи, как же она хотела обнять кого-нибудь!

– Почему ты ушел? – не успокаивалась она. – Почему не помогал мне?

– Я хотел... Ты просто не... – Поколебавшись, он наконец признался: – Я не знаю, что сказать.

Франческа понимала, что требовала от него слишком многое. Но сейчас ей было на это наплевать – одиночество слишком сильно ее мучило.

Однако в этот самый момент, пусть и ненадолго, она была не одинока. Майкл был рядом, обнимал ее, и его близость впервые за долгое время позволила ей ощутить тепло. Страх ушел.

Теперь Франческа просто плакала – оплакивала последние недели. Оплакивала Джона и свое дитя, которому не суждено явиться на свет.

Но по большей части она плакала по себе.

– Майкл, – заговорила она снова, когда немного успокоилась. Голос еще дрожал, но ей удалось вымолвить его имя. Поэтому Франческа договаривает.

– Да?

– Мы не можем продолжать так дальше.

Она ощутила перемену в его объятиях. Он то ли обнял ее крепче, то ли, напротив, ослабил руки, Франческа не поняла. Но что-то изменилось.

– О чем ты? – неуверенно спросил он хрипловатым голосом.

Франческа чуть отстранилась, чтобы посмотреть ему в лицо. Майкл с готовностью выпустил ее, за что она была благодарна, поскольку ей не хотелось бы высвободиться с трудом.

– Обо всем этом, – сказала она, хотя и знала, что он ее не поймет. А если и поймет, то все равно сделает вид, что не понимает. – О том, что ты игнорируешь меня.

– Франческа, я...

– Этот ребенок должен был быть и твоим в немалой степени.

Майкл страшно побледнел. Франческа даже испугалась.

– Что ты имеешь в виду? – прошептал он.

– Ребенку был бы нужен отец, – пробормотала она, пожав плечами. – Ну а... кто еще, если не ты?

– У тебя много братьев, – с очевидным трудом выговорил он.

– Они не знали Джона. Не так, как ты.

Майкл отодвинулся от нее, встал и попятился от нее – отходил все дальше, пока не оказался у окна и дальше идти было уже некуда. Его глаза странно блеснули. Франческе даже показалось, что он выглядит, как загнанное в угол животное, перепуганное и в любой момент ожидающее удара.

– Зачем ты мне это говоришь? – спросил он с интонацией, не выражающей никаких эмоций.

– Я не знаю. – Франческа нервно сглотнула. Она соврала ему, ведь ей был известен ответ: она хотела, чтобы он горевал, как и она. Чтобы испытывал ту же боль, что и она. Желать подобного было неправильно, но ей не удавалось подавить это желание.

– Франческа, – сказал Майкл резко – такого резкого тона она от него раньше не слышала. Франческа подняла голову, но медленно, поскольку боялась взглянуть ему в лицо.

– Я не Джон, – сказал он.

– Я знаю.

– Я – не Джон, – повторил он громче и тверже, и Франческа было подумала, что ее ответа он не расслышал.

– Я знаю.

Сузив глаза, он с угрозой уставился на нее.

– Это был не мой ребенок, и я не стану тем, кто тебе нужен.

Франческе показалось, что в ней что-то умерло.

– Майкл, я...

– Я не собираюсь занимать его место. – Его голос сорвался, словно он хотел закричать, но сдержал порыв в последний момент.

– Конечно, нет. Ты этого и не можешь...

И секунды не прошло, как он подлетел к ней и, схватив ее за плечи, поднял на ноги.

– Я это не сделаю! – закричал он, трясая ее за плечи. На миг остановившись, он снова начал ее трясти – не переставая. – Я не могу им стать! И не стану!

Франческа не могла сказать и слова и не знала, что ей делать. Она не понимала, что за человек оказался перед ней.

Майкл наконец перестал трясти ее, но по-прежнему сильно держал за плечи, не сводя с нее глаз, горевших печалью и страхом.

– Ты не имеешь права от меня это требовать, – сказал он. – Я не могу это сделать.

– Майкл? – прошептала Франческа. Теперь она услышала страх в его голосе. – Майкл, отпусти меня, пожалуйста.

Он не исполнил ее просьбу – возможно, не расслышал. Он казался таким потерянным и далеким от реальности, недостижимым для ее слов.

– Майкл! – громче повторила Франческа, услышав в своем голосе панические нотки.

Вдруг Майкл разжал пальцы и отошел на шаг. Выражение его лица выдавало отвращение к самому себе.

– Извини, – прошептал он, уставившись на свои руки так, словно те его предали. – Прости.

– Я, наверное, пойду, – пролепетала она.

– Да, – согласился он.

Франческа не спеша направилась к двери.

– Полагаю... – прервавшись, она схватилась за дверную ручку, словно рассчитывая в случае опасности на ее помощь. – Полагаю, какое-то время нам лучше не видеться.

Майкл кивнул.

– Возможно... – Но никакие слова больше не пришли ей на ум. Франческа не понимала, что только что произошло, а потому и не знала, что говорить. Она была слишком ошеломлена и напугана, чтобы нормально соображать.

Но почему она испугалась? Уж точно не Майкла. Он бы ни за что на свете не причинил ей вреда. Франческа не сомневалась, что Майкл готов отдать за нее жизнь в случае необходимости.

Вероятно, она боялась завтрашнего дня. И послезавтрашнего. Франческа потеряла все – а теперь еще и Майкла, поэтому она боялась. Не знала, как ей теперь жить и справляться со своим одиночеством.

– Я ухожу, – сказала она, тем самым предоставляя ему возможность остановить ее или сказать что-нибудь. Произнести любое слово, которое помогло бы забыть этот кошмар.

Но Майкл молчал. И не кивнул даже. Он просто смотрел на нее, а глаза не выражали ничего.

Франческа ушла. Вышла из его дома, сама закрыла за собой дверь. Села в карету и отправилась домой.

Дома она ни словом ни с кем не обмолвилась. Молча поднялась к себе в покои и забралась в постель.

Слезы не шли. Франческа думала, что слезы помогли бы, и ей стало бы немного легче, но плакать не могла.

Поэтому она просто лежала, смотря в потолок. Хотя бы он не возражал против ее внимания.

В своей квартире в Олбани Майкл добрался до бутылки виски и налил себе целый бокал. Ему было все равно, что даже полдень наступит еще не скоро. Ясно как божий день: он стал еще на одну ступень ниже.

Но он не представлял, как мог поступить иначе. Он же обидел Франческу ненамеренно! Он же не обдумывал каждый свой шаг, задаваясь вопросом: «Ничего, если я поступлю по-свински?» Майкл не принимал решений, просто действовал, но даже при этом не понимал, как мог бы повести себя иначе.

Майкл себя знал. Да, он далеко не всегда себе нравился, особенно в последнее время, но себя знал. Когда Франческа, посмотрев на него своими синими глазами, заявила: «Этот ребенок должен был быть и твоим в немалой степени», – он был потрясен до глубины души.

Но Франческа не знала.

Понятия не имела.

А пока ей неизвестны его истинные чувства, пока она не понимает, что он ненавидит себя за каждое действие в качестве преемника Джона, ему нельзя с ней общаться. Она ведь и впредь может проронить нечто подобное. А Майкл не знал, как долго сможет это выносить.

Стоя в своем кабинете, сломленный под гнетом горя и чувства вины, он понял две истины.

Первая – крайне проста. Виски не устраняет душевную боль, даже если это виски двадцатипятилетней выдержки. А это значит, что на Британских островах нет ничего, что могло бы ему помочь. И отсюда – вторая истина, с которой все обстояло гораздо сложнее. Но Майклу придется это сделать. Так нечасто ему приходилось делать ясный выбор, хоть и болезненный.

Поставив бокал, в котором осталось совсем чуть-чуть жидкости цвета янтаря, он прошагал через прихожую в свои покои.

– Риверз, – обратился Майкл к камердинеру, у открытого гардероба аккуратно складывающего хозяйский галстук, – что ты скажешь насчет Индии?

Часть вторая

Март 1824 года

Глава 5

«...тебе бы тут понравилось. Я, конечно, не о жаре – эта никому не нравится. Но все остальное здесь очаровательно. Яркие одежды, пряности, ароматы – все это опьяняет, и мысли словно окутаны туманом. Думаю, особенно ты бы оценила местные сады. В них есть что-то от наших лондонских парков, однако тут больше зелени и огромное количество цветов, подобных которым больше нигде не встретишь. Ты всегда любила природу, и от Индии, уверен, ты бы пришла в восторг».

Майкл Стерлинг, граф Килмартин, – графине Килмартин, спустя месяц после прибытия в Индию.

Франческа хотелось ребенка.

Это желание возникло давно, однако признать его она осмелилась лишь в последние несколько месяцев. Повсюду ее преследовало странное томление, вызывающее грусть, и лишь теперь она осмелилась облечь его в слова.

А началось все невинно. Словно легкий укол в сердце, пока она читала письмо от Кейт, своей невестки. Та рассказывала о своей дочке Шарлотте, малышке почти двух лет от роду, жуткой озорнице.

Однако когда к ней в гости в Шотландию наведалься сестра Дафна с четырьмя детишками, укол был сильнее, даже болезненнее. Франческа никогда бы не подумала, что четверо детей могут так изменить дом. Маленькие Гастингсы словно вернули Килмартину жизнь, повсюду звучал веселый смех, которого, как внезапно осознала Франческа, ей так не хватало.

А когда они уехали, снова воцарилась тишина, и то было вовсе не спокойствие. А пустота.

Так Франческа изменилась. С тех пор каждый раз, когда ей на глаза попадалась нянька с коляской, тоска тисками сжимала ее сердце. Даже кролик, мимо скачущий через поле, навел ее на мысль, как хорошо было бы показать его ребенку. На Рождество она ездила в Кент, к своей семье, и даже там ее охватывало одиночество вечерами, когда детишки укладывались спать.

Одна мысль твердо поселилась в ее голове и затмила все остальные: если она ничего не изменит, то жизнь пройдет мимо нее, а она так и умрет. Одинокой.

Не сказать, что она была несчастна. К собственному удивлению, к своему вдовству она привыкла, жизнь ее была комфортна и даже приносила некоторое удовлетворение. В первые месяцы после смерти Джона Франческа на за что бы не поверила, что сможет так жить, сможет найти себе какое-то место в мире. Однако она не только нашла свое место, но даже обрела своего рода покой.

Жизнь графини Килмартин ей нравилась – поскольку Майкл так и не женился, она оставила за собой титул и прилагающиеся к нему обязанности. Франческа обожала Килмартин, ей нравилось самостоятельно заправлять поместьем, а Майкл не вмешивался. Уехав из страны, он распорядился, что Франческа управляет графством по своему разумению, и она оценила этот дар по достоинству, когда прошел шок от его внезапного отъезда. Этот подарок оказался самым ценным, который она могла только ждать.

Этот подарок – ее занятие, цель в жизни. Благодаря ему Франческа перестала пролеживать дни на кровати, смотря в потолок.

У нее были родственники – и Бриджертоны, и Стерлинги – и друзья, она вела активную и интересную жизнь в Шотландии, а несколько месяцев в году и в Лондоне.

Франческа следовало чувствовать себя счастливой – она так и делала, в основном.

Только теперь она хотела ребенка и спустя некоторое время наконец-то призналась себе в этом. Ведь это желание означало в определенной степени измену Джону – ведь отцом будет не он, а Франческа все еще, спустя столько времени после его смерти, не могла себе представить ребенка, своего ребенка, в чертах которого не будет узнаваться Джон.

Но самое страшное другое – ведь ей придется снова выйти замуж. Придется снова сменить фамилию и дать обет верности – другому мужчине. Придется клясться, что отныне и навеки он будет первым в ее сердце и душе. И пусть эта мысль больше не отзывалась болью в сердце, все равно даже воображать все это было как-то... странно.

Увы, думала она, на жизненном пути женщины нередко происходят события, которые надо просто пережить. Таким образом, одним промозглым февральским днем Франческа, глядя на падающий снег через окно в Килмартине, просто решила, что новый брак – очередное такое событие.

Пусть это и странно, но действительно ли его стоит бояться? В сравнении с многими другими вещами в целом мире...

Вот почему Франческа велела паковать вещи, чтобы в этом году отправиться в Лондон пораньше. Она взяла за привычку проводить сезон в Лондоне, нанося визиты друзьям и родственникам, совершая покупки и посещая концерты и театры. Сезон – время, когда она позволяла себе наслаждаться тем, чего не сыщешь в шотландской глуши.

Однако этому сезону суждено быть иным. Первым делом она обновит туалеты. Недавно Франческа перестала носить траур, но гардероб ее по-прежнему оставался блеклым – в серых и лавандовых цветах. И она совершенно перестала следить за модой, что недопустимо для женщины ее положения.

Теперь пришла пора носить синий. Яркий, словно полевые васильки. Когда-то этот цвет был ее любимым, и она носила его с радостью, в предвкушении, как все будут замечать, что синий идеально подчеркивает цвет ее глаз.

Отныне Франческа будет покупать себе не только синее, но и ярко-розовое, желтое и даже – при этой мысли сердце взволнованно затрепетало – бордовое. Ведь сейчас она не дебютантка. Она вдова, завидная партия, и вести себя может иначе.

Хотя надежды и желания у нее были те же. Франческа отправлялась в Лондон, чтобы найти мужа.

Прошло уже слишком много времени.

Майкл осознавал, что затянул с отъездом домой. Но поездку в Англию оказалось легче откладывать, нежели нет. Из приходивших с удивительной регулярностью писем матери он знал, что под управлением Франчески графство процветало. У Майкла не было никого, кто стал бы упрекать его в безответственности и пренебрежении своими обязанностями, а те, кто остался в Англии, жили себе – и даже лучше, чем в те времена, когда он присутствовал в их жизни.

Майклу было не в чем себя упрекнуть.

От своей судьбы можно убежать хоть до самой смерти. Однако, отметив третий год пребывания в тропиках, Майкл наконец признался себе в том, что экзотика ему надоела, а климат и вовсе начал отравлять жизнь. Когда-то Индия дала ему место в жизни, цель, нечто новое, отличное от привычных ему двух занятий – войны и кутежа. На борт корабля он взошел, не имея ни надежд, ни планов. Он знал лишь армейского приятеля, перебравшегося в Мадрас тремя годами ранее. Но менее чем через месяц Майкл получил пост чиновника. Он принимал важные решения, следил за выполнением законов, от которых зависела жизнь многих людей.

Теперь Майкл наконец понял, почему Джон с такой ответственностью подходил к выполнению обязанностей, наложенных на него местом в парламенте.

Увы, Индия не принесла ему счастья. Покой – да, что даже странно, ведь он трижды чуть не простился с жизнью. На самом деле даже четырежды, если учесть схватку с индийской принцессой, превосходно управляющейся с кинжалами. (После Майкл утверждал, что без труда обезоружил бы ее и остался невредим, однако сам-то помнил, каким кровожадным был ее взгляд, и с тех пор взял на заметку, что не стоит впредь недооценивать женщину, считающую себя, пусть и ошибочно, униженной.)

За исключением же смертельно опасных неприятностей, пребывание в Индии оказалось крайне полезным, потому что он научился многому. И наконец делал в жизни что-то важное, что-то собой представлял.

Но самое важное, что дала ему Индия, это ощущение покоя. Он был спокоен, потому что знал, что нигде здесь не столкнется с Франческой.

Пусть ему не стало лучше оттого, что Франчески не было рядом, но стало легче, это точно.

Однако пришла пора принять суровую реальность и смириться с тем, что придется всю жизнь терпеть нахождение Франчески где-то рядом. Итак, Майкл упаковал чемоданы и обрадовал камердинера вестью, что их пребывание в Индии подошло к концу. Заказав себе роскошную каюту на борту «Принцессы Амелии», он отправился домой.

Конечно, придется встретиться с ней лицом к лицу. От личной встречи с Франческой он не отвертится. Придется снова смотреть в ее синие глаза, преследующие его в воспоминаниях все эти годы, и притворяться ее другом. Ведь только дружбы она хотела и ждала от него в те страшные месяцы после смерти Джона, а он не смог ее ей дать. Но вдруг теперь, когда время, возможно, сыграло свою роль, ему это наконец удастся. Майкл, безусловно, не рассчитывал, что, увидев Франческу, поймет, что чувства его ушли, или что она как-то кардинально изменилась. Но Майкл перестал при обращении «граф Килмартин» выискивать глазами Джона, а это уже многое значило. Вполне вероятно, что теперь, когда горе больше не отравляет их жизнь, он сможет общаться с Франческой, не считая себя вором и предателем, похищающим у покойного брата объект своего вождения. Майкл даже смел надеяться, что Франческа достаточно оправилась, чтобы не требовать от него выполнения всех обязанностей Джона. Кроме одной, разумеется.

Он радовался, что прибудет в Лондон в марте – а Франческа приедет позже, только к началу сезона.

Майкл был храбрым, что не раз доказывал при разных обстоятельствах, в том числе и на поле битвы. Но ему хватало и честности, чтобы признаться себе: грядущая встреча с Франческой пугала его сильнее, чем армия французов или разъяренный тигр из джунглей.

Кто знает, вдруг ему повезет, и она вообще в этом году не приедет в столицу? Ох, как он был бы рад такому раскладу.

Давно стемнело, но Франческе никак не удавалось заснуть. В доме было холодно, почти как на улице, но она сама была в этом виновата.

Конечно, не в том, что уже стемнело. В конце концов, полагать, что ночь наступила по ее вине, – это как-то слишком. А в чем она действительно виновата, так это в том, что к ее приезду дом не был подготовлен. Она забыла сообщить, что в этом году приедет в Лондон на месяц раньше, и в результате ее ждал пустой непротопленный дом, в котором почти не осталось угля и свечей.

Утром, когда экономка и дворецкий совершат необходимые покупки, все наладится, но этой ночью Франческе придется померзнуть в своей постели. Как назло, день выдался на редкость холодным, а от резкого ветра было еще холоднее, чем обычно в это время года. Экономка

предложила оставить весь имеющийся в доме уголь для камина в господской спальне, но Франческа не позволила. Пусть она и графиня, но не допустит, чтобы из-за нее все остальные люди в доме спали в нетопленных комнатах. Тем более из-за своих необъятных размеров господская спальня требует огромного количества угля для должной протопки, а особенно тяжело ее протопить, когда во всем доме холодно.

Библиотека! Вот и нашлось решение проблемы! Библиотека мала и уютна, а при закрытой в коридор двери тепло от камина в ней сохранится до утра. Там даже есть удобная кушетка, на которой вполне возможно выспаться. Пусть кушетка и маловата, но на ней спать все же лучше, чем трястись от холода в огромной ледяной кровати.

Франческа выбралась из-под одеяла и, дрожа от холода, ринулась к висевшему на спинке кресла пеньюару. Конечно, пеньюар едва ли мог согреть – Франческа не предполагала, что стоит взять с собой теплый халат, – но он все равно теплее ее сорочки, а выбора в любом случае нет. На заледеневшие ноги она надела толстые шерстяные носки, из-за которых ногами скользила по каменным ступеням по пути в библиотеку и едва не упала. Удержавшись на ногах, она перешла на ковровую дорожку и поспешила к библиотеке.

– Скорей бы развести огонь. Огонь, огонь... – шептала она на бегу, представляя, как, оказавшись в библиотеке, она сразу же позвонит в звонок для прислуги, и скоро в камине весело затанцует пламя. Наконец-то согреется ее нос, пальцы из синих снова станут нормального цвета, а потом...

Франческа распахнула дверь в библиотеку.

В тот же миг с ее губ сорвался крик. Огонь в камине уже пылал, однако, протянув к теплу руки, рядом с ним стоял какой-то мужчина. Франческа сразу стала озираться в поисках предмета, который можно было бы использовать как оружие.

Но мужчина вдруг обернулся.

– Майкл?!

* * *

Майкл не предполагал, что она окажется в Лондоне так рано. Ему такой вариант даже на ум не приходил! Конечно, он все равно бы отправился домой, но по крайней мере попытался бы подготовиться к этой встрече. Он бы приучил свое лицо носить небрежную усмешку и оделся бы с иголочки, дабы убедительнее играть роль неисправимого повесы.

Но что теперь?! А теперь он стоит перед ней с открытым ртом, безуспешно стараясь игнорировать тот факт, что из одежды на ней лишь сорочка да тоненький пеньюар, под которыми без труда различаются...

Майкл сглотнул. Не нужно на нее смотреть. Ни в коем случае нельзя себе этого позволять.

– Майкл? – снова она позвала его по имени.

– Франческа, – отозвался он, поскольку не мог и далее позволять себе молчать. – Что ты тут делаешь?

Его вопрос как будто вывел ее из оцепенения.

– Это я-то что тут делаю? – переспросила она. – Кажется, не я все эти годы пребывала в Индии. Что ты тут делаешь?

Майкл пожал плечами в своей небрежной манере:

– Решил, что пора бы мне вернуться домой.

– А почему не написал?

– Тебе? – спросил он, вскинув бровь. Как и предполагалось, Франческа заметила его иронию. Ведь сама она не написала ему ни словечка за все время его отсутствия. Он адресовал ей три письма, но когда понял, что ни на одно ответа ему не будет, дальнейшую переписку вел только с Хелен и Джанет.

– Кому угодно, – определилась с ответом она. – Кто-нибудь приехал бы, чтобы тебя встретить.

– Ты и приехала, – заметил Майкл.

Франческа нахмурилась.

– Знай мы, что ты приедешь, то подготовили бы дом.

Майкл вновь пожал плечами. Постепенно он входил в образ, в котором ему надлежало представлять перед светом и главное – ней.

– Дом достаточно готов.

Поежившись, Франческа обняла себя руками, наконец-то скрыв от его взора свою грудь.

– В любом случае, мог бы и написать, – резким голосом сказала она. – Хотя бы из элементарной вежливости.

– Франческа, – Майкл вновь повернулся к камину, чтобы продолжить отогревать замерзшие руки, – ты вообще представляешь, как долго идет письмо из Индии?

– Пять месяцев, – незамедлительно ответила она. – А с попутным ветром – четыре.

Проклятье, а ведь она знала!

– Да, так, – признал он. – Однако когда я решил ехать, отправлять письмо уже смысла не было. Оно отправилось бы тем же кораблем, что и я.

– Правда? А я думала, пассажирские суда медленнее тех, что возят почту.

Вздыхнув, он бросил на нее взгляд через плечо:

– Все суда возят почту. И вообще, теперь это разве так важно?

Сначала Майклу казалось, что она скажет «да», но она его удивила.

– Конечно, неважно, – спокойно проговорила она. – Главное, что ты снова дома. Представляю, как будет рада твоя мать.

Он снова отвернулся, чтобы скрыть свою грустную улыбку.

– Да, безусловно.

– И я... – Франческа замолчала, прочистила горло. – Я тоже очень рада, что ты приехал.

Звучало это неискренне и так, как будто она утверждала это в первую очередь самой себе. Однако Майкл решил хотя бы раз побыть образцовым джентльменом и сделать вид, что ничего не заметил.

– Ты замерзла?

– Не слишком.

– Врешь.

– Ну, чуть-чуть, возможно.

Он отошел на шаг в сторону, чтобы она тоже могла стать возле камина. Не услышав ее шагов, он жестом указал на место рядом с собой.

– Я пойду к себе, – сказала она.

– Да боже мой, Франческа! Если холодно, просто подойди к камину. Я не укушу тебя.

Скрипнув зубами, она нехотя сделала шаг вперед и встала рядом с огнем, но все же так, чтобы быть как можно дальше от Майкла.

– Хорошо выглядишь, – сказала она.

– Ты тоже.

– Давно не виделись.

– Да. Года четыре примерно.

Франческа взволнованно вздохнула, гадая, почему ей так трудно поддерживать разговор. В конце концов, это же Майкл! С ним ей должно быть легко. Пусть последняя их встреча была неприятной, но виной тому те мрачные месяцы после смерти Джона. Тогда страдали все и, как загнанные и раненые звери, кидались друг на друга. Сейчас же все иначе. Бог свидетель, Франческа часто представляла себе их новую встречу. Не собирался же Майкл остаться в Индии на

всю жизнь. Она это понимала и потом, когда гнев умирился, даже стала надеяться, что, когда он вернется, они, забыв прошлые обиды, снова станут общаться, как когда-то.

И он снова станет ей другом. Ах, как же ей нужен был друг!

– Чем планируешь заняться? – Она задала этот вопрос по большей части потому, что молчание уже начинало действовать на нервы.

– Сейчас я могу думать только о том, чтобы согреться, – пробурчал он.

Франческа улыбнулась.

– И правда, день на редкость холодный выдался.

– Я успел забыть, как зимой тут бывает холодно, – жаловался он, потирая руки.

– А как же шотландские зимы? Думала, их ты точно не сможешь забыть, – заметила Франческа.

Майкл посмотрел на нее, и его губы изогнулись в кривоватой улыбке. Вдруг Франческа заметила, как он изменился. И то были не очевидные перемены, которые бросались в глаза любому: сильный загар, серебряные пряди в некогда черных как смоль волосах. Франческу смутили другие перемены. Они выражались в губах – теперь он сжимал их очень плотно. В движениях – не таких легких и грациозных, как раньше. В отсутствии непосредственности, без которой нельзя себе было представить прежнего Майкла. Теперь же он был... натянут как струна. Как будто он находится на пределе сил.

– Это-то да, – сказал он, и Франческа недоуменно заморгала, потому что забыла, о чем они говорили. К счастью, он добавил: – Я вернулся в Англию, потому что не мог больше выносить жару, а теперь – вот, холод сводит меня с ума!

– Скоро придет весна, – напомнила она.

– Ах да, весна. Это совсем другое дело. Ведь ветер всего лишь холодный, а не ледяной. Франческа рассмеялась. Глупо, но смеяться рядом с Майклом ей было приятно.

– Завтра в доме будет теплее, – сказала она. – Ведь я сама приехала только этим вечером и, как и ты, не потрудились уведомить о том, что приеду раньше. Миссис Пэрриш заверила меня, что уже завтра запасы будут пополнены.

Кивнув, Майкл повернулся, чтобы погреть спину.

– Так что ты тут делаешь?

– Я?

Майкл демонстративно окинул взглядом комнату, чтобы дать ей понять, что обращаться тут больше не к кому.

– Я здесь живу, – сказала Франческа.

– Обычно ты приезжаешь в апреле.

– Тебе это известно?

Ей на миг показалось, что Майкл смутился.

– В письмах моей матери всегда полно подробностей, – пояснил он.

Пожав плечами, Франческа подошла поближе к огню. Ей не следовало стоять так близко к нему, но она никак не могла согреться, тем более в этом тоненьком пеньюаре.

– Это что, ответ? – спросил он с насмешкой.

– Просто захотела, и все, – высокомерно ответила она. – Разве у дамы нет такой привилегии?

Майкл снова сменил положение, вероятно, чтобы погреть бок, и теперь стоял к ней лицом.

Ужасно близко.

Франческа тихонько отодвинулась, всего-то на пару дюймов, в надежде, что он не обратит на это внимания. Ей не хотелось, чтобы он понял, как ее смущает их близость.

Впрочем, признать это самой себе тоже было неприятно.

– А я полагал, что передумать – это привилегия дамы, – сказал Майкл.

– Привилегия дамы – делать все, что душа пожелает, – заметила Франческа.

– Туше, – пробормотал он, посмотрев на нее – на сей раз пристальнее. – Ты совсем не изменилась.

– С чего ты это взял? – удивилась она.

– С того, что ты выглядишь совсем как прежде. – Кивнув с дьявольской ухмылкой на ее пеньюар, он добавил: – Не считая наряда, конечно же.

Франческа, ахнув, отступила от него, крепче обняв себя руками.

«Пусть это и гадко, но все-таки я ее задел», – самодовольно подумал он. Ему требовалось как-то заставить ее отойти подальше, чтобы она стала для него недосягаема. Теперь ей придется держаться чуть поодаль. Иначе Майкл за себя не отвечает.

Он солгал, сказав, что она не изменилась. В ней появилось нечто новое, для него совершенно неожиданное. И это потрясло его.

Однако эта перемена заключалась не именно в ней, а в чувстве, которое появилось у Майкла теперь в ее присутствии. Чувство, что она теперь доступна, что Джона уже действительно нет, и нет давно. Чувство, что лишь совесть останавливает его от того, чтобы коснуться ее.

Ему это показалось даже почти забавно.

Почти.

А она стояла рядом и, как прежде, ни о чем не догадывалась, даже не предполагала, что разговаривающий с ней мужчина мечтает только о том, чтобы сорвать ее шелка, уложить ее на пол у камина и, раздвинув ее бедра, погрузиться в ее плоть...

Майкл разразился мрачным смехом. Увы, четыре года не угасили его пыл.

– Майкл?

Он посмотрел на нее, но промолчал.

– Почему ты смеешься?

Ну что за вопрос!

– Тебе не понять, – ответил он.

– А вдруг я пойму!

– Сомневаюсь.

– Майкл! – не унималась она.

Подчеркнуто холодно Майкл заявил:

– Франческа, на свете есть вещи, которые ты никогда не поймешь.

У Франчески исказилось лицо, как будто он дал ей пощечину. И почувствовал себя Майкл так же ужасно, как будто действительно сделал это.

– Почему ты говоришь такое? – прошептала она.

Майкл просто пожал плечами.

– Как же ты изменился, – только и сказала она.

Печальная правда в том, что он как раз-таки не изменился. По крайней мере в том, что действительно мешало ему жить.

Майкл вздохнул. Как же он себя ненавидел за то, что не выносит ее общества.

– Ты меня извини. – Он провел рукой по голове, взъерошив прическу. – Я устал, продрог до костей, и я настоящий осел.

Франческа усмехнулась. На миг ему показалось, что они как будто перенеслись в прошлое.

– Ничего страшного, – ласково сказала она, коснувшись его рукава. – Ты проделал долгий путь.

Майкл шумно вдохнул. Она делала так раньше – касалась его рукава. Конечно, она не позволяла себе этого на людях, но иногда, когда они оставались наедине... Но где-то рядом

был Джон. Джон всегда был рядом. И каждый раз – каждый! – это прикосновение потрясло Майкла до глубины души.

Однако сейчас потрясение оказалось особенно сильным.

– Мне необходимо как можно скорее лечь, – пробормотал он.

Конечно, он мастерски умел скрывать чувство неловкости, однако сейчас оказался совершенно не готов к встрече с ней. К тому же он действительно чертовски устал.

Франческа отпустила его рукав.

– Комнаты для тебя не приготовили. Ложись в моей. А я тут посплю.

– Нет. – Отказ Майкла прозвучал более эмоционально, чем ему хотелось бы. – Я тут лягу или... Черт! – выругавшись себе под нос, он ринулся в другой конец комнаты, чтобы позвонить в звонок для прислуги. В самом деле, зачем быть графом Килмартином, если не иметь возможности приказать приготовить для себя покои в любое время дня и ночи?

А еще на звонок должна будет явиться прислуга, и ему больше не придется оставаться с Франческой наедине.

И да, пусть он и раньше проводил с ней время наедине, но все-таки не ночью, и одета она была не в ночную сорочку с пеньюаром...

Майкл снова нервно дернул за шнур.

– Майкл, – судя по голосу, Франческа забавлялась, – прислуга услышала твой звонок и в первый раз.

– Ах, да, конечно. Трудный выдался день, – сказал он. – В море штормило, да и в целом...

– Жду не дождусь, когда ты расскажешь мне о своем путешествии, – сказала она.

Он посмотрел на нее, оглянувшись, и заметил:

– Я и раньше мог бы рассказать тебе все. В письмах.

Франческа сжала губы. Ох, как же много раз он выдел такое выражение на ее лице. В этот самый момент она решала, съязвить ему в ответ или не стоит. Судя по всему, она выбрала второй вариант:

– Я сильно сердилась на тебя за то, что ты уехал.

Майкл бессильно вздохнул. В этом была вся Франческа – легко могла предпочесть суровую правду веселой насмешке.

– Извини, – искренне сказал он, хотя знал, что, даже имея возможность изменить прошлое, принял бы то же решение. Тогда ему было необходимо уехать. Жизненно необходимо. Вероятно, он просто трус. Вероятно, ему не хватило мужества. Он не был готов стать графом. Ведь он не Джон и не мог его заменить. А от него ждали, судя по всему, именно этого.

Все ждали, даже Франческа.

Смотря на нее, Майкл думал, что уверен: она действительно не понимает, почему он уехал тогда. Она же не знала о его любви к ней и не могла представить, как сильно мучит его чувство вины из-за необходимости стать его преемником.

Во всем этом нет ее вины. И смотря на нее, гордую и хрупкую, греющуюся у камина, он повторил:

– Извини.

Она кивнула, принимая его извинения.

– Я должна была тебе написать. – Когда она повернулась к нему, в ее глазах Майкл увидел печаль и даже, возможно, намек на извинение. – Однако буду честна: я не хотела. Не хотела потому, что каждый раз, думая о тебе, я вспоминала Джона, а в те времена мысли о нем причиняли мне боль.

Майкл ее не понял, но все же кивнул.

Франческа печально улыбнулась.

– Нам втроем было так весело, помнишь?

Майкл опять кивнул.

– Мне его очень не хватает, – через какое-то время сказал он и сам удивился тому, что от признания этого ему стало так легко.

– Я представляла себе, как же нам всем станет хорошо, когда и ты наконец женишься, – добавила Франческа. – Не сомневалась, что ты выберешь себе яркую веселую женщину. Вчетвером бы нам было еще веселее!

Майкл кашлянул. Он предпочел оставить ее высказывание без ответа.

Франческа отвлеклась от фантазий и серьезно посмотрела на него:

– Ты простудился?

– Может быть. И уверен, что к субботе буду одной ногой в могиле.

– Надеюсь хоть, ты не думаешь, что я стану с тобой нянчиться? – подняв бровь, спросила она.

Наконец-то удалось перевести разговор в привычное русло шуток и подколов!

– Больно-то надо. – Майкл небрежно отмахнулся. – Через каких-то пару дней вокруг меня столпится стадо доступных женщин, готовых удовлетворить любой мой каприз.

Франческа поджала губы, но он заметил, что его реплика ее развеселила.

– Ты все такой же.

Усмехнувшись, он сказал:

– Франческа, на самом деле люди не меняются.

Франческа кивком указала на ведущую в коридор дверь, за которой уже слышались шаги. Через мгновение вошел лакей в ливрее, и она занялась распоряжениями сама, предоставив графу Килмартину возможность и дальше греться у камина, с величественным видом кивая в знак согласия.

– Спокойной ночи, Майкл, – сказала Франческа, когда лакей отправился выполнять приказ.

– Спокойной ночи, Франческа, – тихо ответил Майкл.

– Я рада, что мы снова увиделись, – добавила она, а после добавила так, словно хотела убедить в истинности этих слов его или, быть может, и себя саму: – Правда-правда.

Глава 6

«...Очень жалею, что не писала тебе раньше. Хотя нет, это ложь. Я не хочу тебе писать. Не хочу думать о...»

Графиня Килмартин – графу Килмартину, на следующий день после получения его первого письма; порвано на клочки и облито слезами.

К тому часу, когда Майкл пробудился ото сна, в Килмартин-Хаусе уже был наведен полный порядок, и резиденция функционировала как положено. В каминах всех комнат похлал огонь, в малой столовой ждал потрясающий завтрак: яйца всмятку, ветчина, бекон, сосиски, гренки с маслом и мармеладом, и самое главное – его любимое блюдо: скумбрия, жаренная на открытом огне.

Однако Франчески Майкл нигде не видел.

Он поинтересовался, куда она делась, и ему передали записку, ранним утром оставленную ею. Оказалось, что, опасаясь недобрых сплетен, которые могли возникнуть, если бы они остались вдвоем под одной крышей, Франческа переехала в городской дом своей матери (пятый дом на Брутон-стрит) до тех пор, пока Джанет и Хелен не прибудут из Шотландии. Также она просила Майкла навестить ее уже сегодня, поскольку им предстояло многое обсудить.

Майкл решил, что она, вероятно, и права в своих суждениях. Наскоро позавтракав – и удивившись, что ему не доставало йогурта и лепешек, с которых он привык начинать утро в Индии, – он отправился в дом номер пять по Брутон-стрит.

Он решил добраться туда пешком: путь близкий, а на улице значительно потеплело в сравнении со вчерашним ледяным ветром. Но больше всего Майклу хотелось снова ощутить ритм Лондона, окунуться в его суету. В прошлом он никогда не обращал внимания на детали: присущие столице запахи, звуки. Не вслушивался, как смешивается звук цоканья копыт с бодрыми зазываниями цветочниц и рокотом разговоров уважаемых людей. Теперь же он отчетливо слышал стук своих шагов по тротуару, ощущал запах жареных каштанов, запах сажи, хоть и слабо уловимый, – во всем этом заключался Лондон.

Это его ошеломило – точно так же, как он был ошеломлен, сойдя на берега Индии четыре года назад. Влажный тропический воздух, ароматы пряностей и цветов поразили его сродни удару. Долгое время он пребывал словно во сне и едва понимал, что к чему. Реакция на Лондон была, конечно, слабее, однако он все равно ощутил себя чужим на этих улицах, среди этих звуков и запахов, несмотря на то что этот воздух должен быть для него родным.

Неужели в своей стране он чувствует себя чужестранцем? Эта мысль казалась нелепой, и все же, вышагивая по улицам, мимо витрин лучших лондонских магазинов, Майкл ощущал, что он выделяется из толпы. Ему казалось, каждый человек здесь при взгляде на него понимает, что он тут чужой, что он был слишком долго вдали от британской жизни.

Однако посмотрев на свое отражение в витрине, Майкл понял, что виной тому его загар. Сойдет он только через несколько недель, если не месяцев. Его мать будет шокирована внешним видом сына.

Эта мысль заставила его улыбнуться. Майклу нравилось шокировать Хелен. Быть может, это ребячество, но вряд ли в этом смысле он повзрослеет и перестанет получать от этого удовольствие.

Майкл повернул на Брутон-стрит и, миновав несколько зданий, оказался перед пятым домом. Он и раньше бывал здесь. Мать Франчески толковала понятие слова «семья» так широко, как только это было возможно, а потому Майкл приглашался в дом вместе с Франческой и Джоном на самые разные праздники семейства Бриджертон.

Леди Бриджертон уже восседала в зеленой с кремовым гостиной с чашечкой чая у окна, когда явился Майкл.

– Майкл! – поднимаясь ему навстречу, радостно воскликнула она. – Как же я рада тебя видеть!

– Леди Бриджертон! – Майкл галантно поцеловал ей руку.

– Кроме тебя никто не умеет так целовать руку даме, – заметила она.

– Я усердно работаю над лучшими своими умениями, – проговорил он.

– Ты даже представить себе не можешь, как мы, достигшие определенных лет дамы, ценим твои старания.

– А определенные года – это... – Майкл дьявольски улыбнулся, – тридцать один, приблизительно?

Леди Бриджертон повезло относиться к тому типу женщин, что с годами только хорошели, однако комплимент доставил ей удовольствие.

– В моем доме тебе всегда рады, Майкл Стерлинг.

Майкл улыбнулся и, повинувшись пригласительному жесту, устроился в кресле с высокой спинкой.

– О боже! – внезапно воскликнула леди Бриджертон, нахмурившись. – Прошу меня простить. Ведь теперь тебя следует именовать Килмартином.

– Майкл подойдет как нельзя лучше, – заверил он ее.

– Пусть уже и миновало четыре года, – продолжила она, – но я не видела тебя и...

– Прошу, именуйте меня, как вашей душе угодно, – сказал он.

У него возникло странное чувство. Майкл наконец привык именоваться Килмартином, а не просто по фамилии. Но так было в Индии, где никто его не знал как «мистера Стерлинга» и никто не знал Джона, бывшего Килмартина. Однако услышать это обращение от Виолетты Бриджертон оказалось сродни удару в солнечное сплетение. Ведь эта женщина когда-то, подобно другим тещам, называла Джона сыном.

Но если она и заметила его смятение, то никоим образом этого не показала.

– Что ж, раз ты так любезен, то и мне следует ответить тебе взаимностью. Прошу, называй меня отныне просто Виолеттой. Хотя, сказать по правде, стоило начать это делать уже давно.

– О нет, это невозможно, – поспешно возразил Майкл. Она же леди Бриджертон. Она же... ну, Майкл не совсем понимал, кто она для него, но наверняка не просто Виолетта.

– Но, Майкл, я вынуждена настаивать, – сказала она. – А ты должен уже знать, я своего привыкла добиваться.

Да, Майклу было хорошо известно, что переспорить эту леди невозможно. Обреченно вздохнув, он сказал:

– Сомневаюсь, что смогу целовать руку Виолетте. Разве это не слишком интимно?

– Только посмей прекратить целовать мою руку!

– Но люди начнут судачить.

– Уверена, моя репутация не пострадает.

– Возможно, но как же моя репутация?

Леди Бриджертон разразилась смехом:

– Ах ты, негодник!

– Да, я таков. – Майкл расслабился, откинувшись на спинку кресла.

– Может, чаю? – Она потянулась к фарфоровому чайничку, стоявшему на столике. – Мой уже остыл, но я попрошу принести свежего.

– Попью с удовольствием, – сказал Майкл.

– А я уже думала, что после стольких лет в Индии ты разлюбил чай, – сказала она, направляясь к шнуру звонка.

– Просто в Индии все другое, – сказал он, поднимаясь вслед за леди.

- Может, причина в качестве воды?
- Или, может, в качестве леди, которая разливает этот чай?
- Вам, милорд, необходимо жениться, – смеясь сказала она. – И как можно скорее.
- Правда? И почему же?
- Потому что ты представляешь собой страшную угрозу для незамужних женщин.
- Надеюсь, Виолетта, вы в их числе, – игриво парировал он.

В дверях раздался голос:

- Ты что, флиртуешь с моей матерью?

Конечно, это была Франческа. Она облачилась в украшенное брюссельским кружевом бледно-голубое платье, в котором выглядела безупречно. Она нахмурилась, стараясь выглядеть строгой. Однако Майкл видел, что она забавляется.

Дамы уселись по своим местам, и Майкл с загадочной улыбкой позволил себе заметить:

– Франческа, я объездил весь мир, и авторитетно заявляю, что женщины, флирт с которыми доставил бы мне больше удовольствия, чем с твоей матерью, встречаются реже, чем самородки.

– Я приглашаю тебя сегодня к нам на ужин, – заявила Виолетта, – и говорю сразу, что отказ не принимается.

- Я весьма польщен, – со смешком ответил Майкл.

– Ты не исправим, – пробурчала Франческа.

В ответ он ей пресно улыбнулся. Вот теперь все хорошо, подумалось ему. С утра жизнь вошла в прежнюю колею, как он и надеялся: и он, и Франческа вновь соответствовали своим прежним ролям. Он – ветреный сердцеед, а она – строгая дама, журущая его за недостойное поведение. Все так, как было до смерти Джона.

Прошлой ночью Майкл просто растерялся. Он не предположил даже, что они могут встретиться так скоро, а потому не подготовил свою маску должным образом.

Хотя, конечно, маска была не совсем ложной. Он действительно был ветреным и, возможно, в самом деле покорителем сердец. Его мать часто вспоминала, что он очаровывал женщин уже с четырехлетнего возраста.

Однако в обществе Франчески необходимость особенно выделять эту сторону своей личности становилась жизненно необходимой, чтобы она ненароком не заметила его истинных чувств.

- Итак, чем планируешь заняться? – поинтересовалась Виолетта.

Майкл посмотрел на нее, выказав смущение.

– На самом деле, я понятия не имею. – Когда он это сказал, его охватил стыд: ведь это чистая правда. – Думаю, какое-то время буду привыкать к своей новой роли и постигать, какие именно обязанности она на меня накладывает.

- Франческа могла бы помочь тебе с этим, – заметила Виолетта.

– Если она будет столь любезна, – сказал Майкл.

– Безусловно, – отозвалась Франческа, слегка отодвинувшись, чтобы горничная поставила поднос, – на меня можешь положиться во всем.

– Да, быстро, однако, – проговорил Майкл.

- Я не представляю свою жизнь без чая, – пояснила Виолетта. – Пью его целыми днями.

Так что прислуга держит кипящий чайник наготове постоянно.

- Тебе налить? – спросила Франческа, взявшись за чайничек.

– Да, благодарю, – ответил Майкл.

– Франческа знает Килмартин как никто другой, – с материнской гордостью заявила Виолетта. – Ее помощь будет неоценима.

– Ни на миг не усомнился бы в этом, – сказал Майкл, принимая у Франчески чашку. Она все еще помнила, что он предпочитает чай с молоком, но без сахара. Ему было чрезвычайно

приятно это узнать. – Она же была графиней Килмартин целых шесть лет, четыре из которых – еще и «графом». – Франческа изумленно взглянула на него, и он поспешил добавить: – Не номинально, конечно, но фактически. Да ладно, Франческа, не спорь. Сама понимаешь, что так оно и было.

– Я...

– А еще это был комплимент, – прервал ее он. – Я перед тобой в неоплатном долгу. Не знай я, что поместья в твоих умелых руках, ни за что не позволил бы себе столь долгое отсутствие.

– Спасибо, – пробормотала она. – Поверь, мне было совсем не в тягость.

– Даже если так, моя благодарность тебе все равно безгранична, – и Майкл отпил чаю, предоставляя дамам самим вести беседу по своему разумению.

Новая тема не заставила себя ждать. Виолетта принялась расспрашивать его об Индии, и Майкл как-то даже не заметил, как уже рассказывал о дворцах, принцессах, караванах и карри. Однако мародеров и малярию обделил своим вниманием, решив, что такие разговоры не для ушей леди.

Через какое-то время Майкл поймал себя на мысли, что беседа доставляет ему огромное удовольствие. А пока Виолетта рассказывала про прошлогодний бал, устроенный в индийском стиле, он подумал, что, вероятно, принял правильное решение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.